

18+
не содержит
лексикону

ВЛАДИМИР ЕРКОВИЧ

★ ТАРАКАНЫ! ★

С ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОМ
ЗНАКОМ НА КОНЦЕ

★ 30 ЛЕТ В ПАНК-РОКЕ ВОПРЕКИ ВСЕМУ ★

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Подарочные издания. Музыка

Владимир Еркович

**Тараканы! С восклицательным
знаком на конце. 30 лет в
панк-роке вопреки всему**

«ЭКСМО»

2022

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6-8

Еркович В. А.

Тараканы! С восклицательным знаком на конце. 30 лет в панк-роке вопреки всему / В. А. Еркович — «Эксмо», 2022 — (Подарочные издания. Музыка)

ISBN 978-5-04-160662-6

Эта книга не столько об истории группы «Тараканы!», сколько о стране и о том, как менялось наше общество в течение последних тридцати лет. Не важно, следите ли вы за российской панк-сценой или узнали о группе «Тараканы!» впервые, увидев название на обложке этой книги. Плотность событий, количество драматических поворотов, приключений и удивительных встреч, выпавших на долю этих парней, поражают неподготовленного человека и вызывают огромное уважение у тех, кто уже знаком с реалиями, в которых живут независимые артисты в России.

«Тараканы! С восклицательным знаком на конце» – это рассказ том, куда могут привести детские мечты и какую цену, порой, приходится заплатить за их воплощение. Используется нецензурная брань. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-04-160662-6

© Еркович В. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Вступление	6
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Еркович

Тараканы! С восклицательным знаком на конце. 30 лет в панк-роке вопреки всему

Спасибо всем участникам группы «Тараканы!», настоящим и бывшим, за то, что доверили мне свою историю.

Борису Володину (Tarafany.ru) за энциклопедическое сопровождение, фактчекинг и поддержку в трудную минуту.

Виталию Протопопову (@designedbyviti) за многолетнюю дружбу и дизайн всего, что связано с кампанией по предзаказу этой книги.

Моей жене Ане за любовь, терпение и поддержку во всем.

Во внутреннем оформлении использованы фотографии: karnaval2018, Corky Buczyk, Bearok, Vladimir Razgulyaev, Bystrov, Alexander Chizhenok, Marynka Mandarinka, Dmitry Polonskiy / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Валерий Шустов / РИА Новости;

© Киноконцерн «Мосфильм» / Fotodom.ru;

© Mark Humphrey / AP Photo / EAST NEWS

© Владимир Еркович, текст, 2022 © ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Алексей Певчев, журналист, радиоведущий

Честная, яркая, порой откровенно безжалостная «повесть о дружбе и недружбе» внутри самой популярной отечественной поп-панк команды. Дотошность Владимира Ерковича и смелость лидера «Тараканов!» Дмитрия Спирина, предоставившего право каждому из участников истории на свое мнение – гарантия того, что перед вами действительно правдивая рок-книга.

***Андрей Бухарин, музыкальный журналист,
ведущий телеграм-канала «Бухарин слушает»***

DIY, делай сам – и так 30 лет кряду. Непредвзятая история пути московской группы «Тараканы!», от юнг панк-рока к его капитанам. С заполнением белых пятен, неудобными вопросами и голосами тех участников событий, чей взгляд отличается от официальной версии лидера группы, Сиды нашего Спирина.

Вступление

– Си-и-ид, объясни-и-и, зачем нужна любо-о-овь? – мерзейшим голосом гундит диктор в наушниках.

– Не зна-аю, это тебе к Илье Че-е-ерту, – так же ужасно отвечает он сам себе.

На этом моменте я не выдерживаю и выдергиваю штекер наушников из телефона. Как можно настолько отвратительно читать текст? Диктор всеми силами пытался состроить борзый голос, которым, по его мнению, должен был повествовать автор. Аудиокнига изобилует огромным количеством ляпов. Чтец регулярно путается в ударениях, не понимая значения многих слов. Если ошибки в сленге еще можно было простить (да какого черта!), то произношение «Фили рекордс» с ударением на первую «и» – это уже полная некомпетентность.

Испытывая физическую боль от услышанного, я стою в очереди на паспортный контроль аэропорта «Внуково». Мы с дочкой только что вернулись из турпоездки в столицу ФРГ и оба пребываем в тоскливом, меланхоличном состоянии духа. Неполную неделю мы с Полиной наминали пятками мощные берлинские улицы, интенсивно втягивая ноздрями капиталистический кислород. Сочные турецкие денеры и традиционные немецкие карривурст. Кристальная чистота улиц на контрасте с обоссанными пространствами под эстакадами в центре города, где люди ночуют в спальниках прямо на земле. Впечатляющий мемориал холокоста. Возможность пить пиво в любом месте и при этом практически полное отсутствие общественных туалетов в центре города. Даже в «Макдаке» нельзя оправиться, какая звенящая пошлость! Если отвлечься от деталей, то Берлин очень напоминает Москву, смешанную с Питером. Никакого культурного шока тут не испытываешь. Очень приятный и понятный для нашего человека город.

Перед поездкой я зарядил в телефон аудиокнигу Дмитрия Спирина «Тупой панк-рок для интеллектуалов». Это какая-то паленая версия, записанная анонимным интернет-юзером. Я уже читал эту книгу года три назад, а тут захотелось обновить воспоминания. Перелеты, особенно международные, всегда сопряжены с продолжительными периодами ожидания, во время которых надо как-то себя занимать. Чтение с телефона – это не лучшая в таких случаях форма поглощения информации, а вот аудиокнига – самое оно. Так, отвлекаясь от бесячей манеры диктора, я то и дело задавался вопросами. Почему автор настолько по касательной проскакивает интереснейшие моменты в повествовании? А где мнения других участников истории? После того как количество вопросов сравнялось с количеством пальцев на моих руках, я начал их записывать. Это же прямо кладезь неудобных вопросов для автора и настоящая находка для интервьюера. Не дожидаясь момента, когда пограничник с каменным лицом юридически засвидетельствует факт моего прибытия на Родину, я набираю в телефонной книге «Спири...» и мягко большого пальца жму в надпись «Дмитрий Спирин» на залапанном экране телефона.

– Ну здравствуй-здравствуй, Влэд Еркович (ударение на первый слог). Прозаик ты земли русской. Нашей российской землюшечки-то. Ты ведь биограф наш... Не рожала еще земля-то эта биографов человеческих. Ты такой единственный у нас. Здравствуй. Здравствуй. Рад, что ты мне позвонил, – каждый наш разговор со Спириным начинается с подобного шутивого заворота. И вроде бы я к этому уже готов, но все новые сложносочиненные кружева, которыми обрастает приветственный спич лидера «Тараканов!», заставляют меня смущенно улыбаться. – Чем обязан, Влэд?

– Здравствуй, Дмитрий, – отвечаю я. – Книгу вот твою слушаю в исполнении отвратительного диктора. Но я сейчас не о нем. Хочу понять, ты специально не вдавался в детали многих моментов в истории? Там местами буквально по верхам, а глубина-то чувствуется. Про наркотики, про тюрьму, про отношения в группе... И вообще, где второе и третье мнение о тех событиях? Я, конечно, понимаю, что ты автор, ты так видишь...

– Вовка, ты прав. Я автор, и я так это все видел. Во всяком случае, на тот момент времени. Да и про некоторые вещи тогда еще нельзя было говорить прямым текстом. Оно и сейчас нежелательно... Во избежание критических последствий для некоторых.

– Ты про закон?

– Да, про него. Не знаю, что там говорится о сроках давности преступлений.

– Насколько я знаю, даже по особо тяжким делам срок давности пятнадцать лет. Так что уже можно говорить обо всем. У вас же там расчлененки не было?

– Не-е-е, таким не занимались, – смеется Спирин и, чуть помедлив, продолжает.

– Вовка, ты же прозаик. А у нас, как ты знаешь, корячится нехилый юбилей. Тридцать лет, как-никак. Напиши свою историю группы «Тараканы!».

Тем более мы с тобой как-то уже обсуждали кое-что на этот счет, помнишь? Все бывшие участники группы сейчас живы и, возможно, даже находятся в здравом уме. Как минимум, они доступны для общения. Поговори, разберись, где я там наврал или недосказал. А я, конечно, окажу этому процессу всестороннюю поддержку. Правда, я сомневаюсь, что смогу вспомнить больше того, что уже описал в книге. Все-таки времени прошло очень много с тех событий. В любом случае я буду максимально честно отвечать на все вопросы. Тем более что я сейчас прохожу курс психотерапии, и центральная мысль там заключается в том, чтобы проговорить все болезненные вопросы вслух и таким образом освободиться от них. Так что работа над книгой станет хорошей добавкой к этому процессу.

Так неожиданно я получил предложение написать историю одной из самых значимых групп российской рок-сцены. Не путать значимость с популярностью. Эти два понятия пересекаются далеко не всегда. Группа «Тараканы!» большую часть жизни балансирует на странной грани между андеграундом и мейнстримом. Слишком популярные для первых и слишком неформатные и колючие для вторых. Но конфликт – это всегда благодатная почва для исследователя. В этом смысле «Тараканы!» – просто подарок.

Глава 1

Группа «Кутузовский проспект», которая считается предтечей «Четырех тараканов», организовалась не в 1991 году, как принято считать, а двумя годами ранее, когда Денис (Рубан) Рубанов, Юрий Ленин, Александр (Пэп) Потапов и Дмитрий Воробьев решили собрать рок-группу. Все они были одноклассниками, кроме Воробьева, который учился в другой школе.

Денис Рубанов вырос в цирковой семье. Его дедушка, Семен Борисович Рубанов, был заслуженным артистом РСФСР. В пятилетнем возрасте Денис впервые вышел на манеж в репризе легендарного клоуна Юрия Никулина, а в девять уже исполнял главную роль в двухчасовом цирковом представлении. Он играл мальчика, который не слушается бабушку и попадает в разные неприятности. При этом его мама Наталья Рубанова, которая была режиссером этого спектакля, играла сразу три роли: добрую волшебницу, злую колдунью и старуху Шапокляк, восемь раз переодеваясь в течение одного представления. В пятнадцать лет Денис уже выполнял олимпийские упражнения на кольцах под куполом цирка. Без страховки. При такой наследственности и вовлеченности в цирковую жизнь никто его даже не спрашивал, кем он хочет стать, когда вырастет. Это было и так понятно. Единственное, что можно было обсуждать, – это амплуа. Тем не менее в четырнадцать лет он попросил маму договориться с музыкантом из циркового оркестра, чтобы его научили играть на бас-гитаре. С басистом он гонял гаммы по грифу и играл примитивный рок-н-ролл.

Вплоть до старших классов Денис постоянно гастролировал по Союзу вместе с цирком, сменив порядка тридцати школ. Стоит ли говорить, что учиться ему было некогда. Он и одноклассников-то не успевал запоминать. В родной московской школе номер пятьдесят шесть, где он доучивался последние годы, его всегда были рады видеть. Просто Денис так редко приезжал в Москву, что не успевал никому надоесть. Тем не менее после восьмого класса его и других веселых, но не очень старательных учеников попросили на выход.

– Я пошел учиться в вечернюю школу рабочей молодежи, – рассказывает Денис Рубанов. – Там было обязательное условие, что надо где-то работать, и я устроился на завод. Но мы с пацанами там особо не утруждались, шлялись по территории, дурию маялись. Как-то я шел по рельсе, оступился и упал рукой на разбитые стеклоблоки. Сильно повредил левую кисть и не мог продолжать играть на басу. Мы к этому времени уже что-то поигрывали с Пэпом и решили поменяться инструментами. Он взял бас, а я стал осваивать ударные. Все равно никто из нас еще не умел толком ни на чем играть, а барабанить у меня получалось лучше.

Александр Потапов, или Пэп, как его все называли, проживал в доме двадцать шесть по Кутузовскому проспекту. Этот дом знаменит тем, что в нем жили партийные бонзы. Серый кардинал Кремля Михаил Суслов, Леонид Брежнев и Юрий Андропов, который по очереди сменил на должностях одного, а потом и другого соседа. Дедушка Пэпа был большим чиновником, заместителем министра сельского хозяйства СССР, но квартиру на втором этаже номенклатурного дома ему не выдавали. Он получил ее в результате обмена на другую жилплощадь. Несмотря на повышенную плотность больших чиновников на квадратный метр, никакого мажорства или высокомерия в отношениях между соседями никто не замечал. Это были люди старой закалки, и любые попытки считать себя выше других здесь осуждались. Единственное, что отличало этот дом, – это наличие милиционера в каждом подъезде. Они следили за теми, кто приходит, и всех незнакомых опрашивали: «Саша, это к тебе? Мальчик, а как твоя фамилия? А где живешь?» Но после смерти Андропова отменили и это. К концу восьмидесятых годов двадцать шестой дом уже ничем не отличался от других домов в районе.

– У меня был двухкассетник Sharp, который родители привезли из братской Монголии, – вспоминает Александр Потапов. – И один мой приятель едва ли не каждые выходные привозил мне пачку кассет с записями нового метала. Мы с ним это слушали, и я сразу переписывал, что

понравится. Спасибо функции «ускоренная запись», позволявшей переписывать вдвое быстрее воспроизведения. Потом я таскал кассеты в школу и переписывал их уже для одноклассников. Денис Рубанов тоже интересовался металом, и на этой почве мы с ним заружились. За пару лет мы стали весьма подкованными в музле. Естественно, нам нравились и все сопутствующие этому жанру атрибуты. Прыжки с гитарами, размахивание хаерами, девушки табунами, пиротехника и все такое.

Так в процессе прослушивания очередной забористой композиции Пэп с Рубаном решили собрать группу и самим рубить метал. Для достижения цели самое главное – это желание, и оно у ребят было. Оставалось дело за малым – собрать полный состав группы и написать крутых песен. Третий участник в команде появился быстро. Буквально на следующий день Пэп оказался на дне рождения подруги. Там он познакомился с Дмитрием Воробьевым, который поражал тусовку исполнением трехаккордных песен на акустической гитаре. Это был единственный и лучший гитарист из всех, кого знал Александр Потапов. В тот же день Воробьев получил предложение присоединиться к группе. Да, требования к кандидатам были не очень высокие, но и группа из себя еще ничего не представляла. Интересно, что мама Воробьева, Надежда Семеновна, одно время была классной руководительницей Дмитрия Спирина, будущего участника группы. Она преподавала у него немецкий язык.

– Сосед по коммуналке подарил мне старую раздолбанную электрогитару без внутренностей и струн, – рассказывает Дмитрий Воробьев. – Мой дядька, сведущий в делах электроники и имевший опыт игры в группе, воссоздал этот инструмент, и так у нас появилась настоящая электрогитара. Старый магнитофон «Вега» выполнял роль усилителя и примочки. Мы крутили ручки и подбирали необходимый звук под Ассерт.

– Денис как-то притащил книжечку какого-то поэта девятнадцатого века, – продолжает Александр Потапов. – Там были стихотворения «Рок» и «Цепи». Совместив эти два слова, Рубан решил, что это отличные тексты для метал-команды. О чем еще, кроме металлического рока, может идти речь в стихах с такими названиями? В поисках четвертого музыканта мы приглашали к участию разных друзей, но надолго никто не задерживался. Кстати, среди возможных кандидатов был и мой одноклассник Петр Арсентьев, который позже стал участником группы «МЭД ДОГ», а еще позже – тур-менеджером Земфиры.

В итоге вокалистом новой группы стал Юрий Ленин, учившийся в параллели с Рубаном и Пэпом. После восьмого класса, когда Рубанов ушел в вечернюю школу, Ленина перевели в класс к Потапову. Юра Ленин вырос в такой семье, где тлетворное влияние Запада не только не приветствовалось, а даже каралось физически. Пару дней ходить с синей жопой, не имея возможности присесть, было нормой. Папа Ленина служил офицером в КГБ и детей держал в строгости. Тем не менее каждое лето Юру отправляли к бабушке в Эстонию, где был совершенно другой мир. Бабуля придерживалась либерального подхода к воспитанию ребенка, да и вообще в Прибалтике дышалось значительно свободнее, чем в остальном СССР. Устав бороться с эстонским сопротивлением, которое продолжалось вплоть до семидесятых годов, руководство страны выбрало мудрую стратегию не ломать морской народ через колено. Пусть они живут как хотят, главное, чтобы развевался красный флаг. Получалось, что Юра за лето напивался духом пиратской вольницы в Эстонии и потом возвращался в Москву под строгий семейный надзор. С каждым годом управлять парнем становилось все сложнее, и на его увлечение хеви-металом не мог повлиять даже суровый отец.

– В школе я зарубался с учительницей на тему группы KISS, – рассказывает Юрий Ленин. – Она утверждала, что KISS расшифровывается как Kinder SS. А я уже увлекался английским, переводил тексты и спорил с ней: «Если это «Дети СС», то они должны петь про линчевание негров и убийства евреев, а не про тусовки, любовь и про жизнь в кайф». В итоге я чуть не вылетел из пионерской организации, и меня самым последним приняли в комсомол.

Просто у них была какая-то квота, и меня взяли туда для количества. Родители, конечно, были в шоке от всего этого.

В третьем классе Юра услышал по телевизору новость про очередной виток напряженности в отношениях между СССР и США и написал письмо Рональду Рейгану, отправив его в американское посольство. Он писал на английском со словарем, старательно составляя мирное послание с просьбой не развязывать войну. На следующий день папа принес это письмо домой со штампом шестого управления КГБ. Ругать сына он не стал, но все же постарался объяснить, что это может навредить семье. Большой брат всегда наблюдает. Тогда маленький Юра впервые задумался о том, что в этой стране что-то не так, если даже искренний призыв к миру может довести до цугундера.

Первой репетиционной базой для группы была комната в квартире Пэпа. Бас-гитару сделали из семиструнной акустики, с которой просто убрали три лишние струны. Ударную установку собрали из двух барабанов, технично вынесенных из пионерской комнаты в школу, клетки почившего попугая вместо хэта и ведер, обтянутых плотным полиэтиленом.

– Из раскрытого окна во двор доносились жесточайшие звуки перегруженных катушечных магнитофонов, которые служили нам усилителями и колонками, – вспоминает Денис Рубанов. – Под окном стали собираться местные ребята, привлеченные грохотом. Потом они уже притащили лавку поближе. Мы это заметили и стали работать на публику. Периодически высывались из окна, получая одобрительные возгласы. А первыми нашими зрителями стали многочисленные родственники Пэпа, для которых мы устраивали шоу в большой комнате.

– Я узнал, что в нашем районном Доме пионеров есть кружок под названием «Рок-группа», – рассказывает Дмитрий Воробьев. – То есть это реальное место с настоящими музыкальными инструментами и аппаратурой. И я предложил ребятам сходить, посмотреть, что там и как. Может, получится туда устроиться, и нас научат играть. Мы пришли, впервые взяли в руки гитары «Урал» и даже попытались что-то исполнить. Это, конечно, было эпично.

– Руководили кружком два брата, Игорь Валентинович и Олег Валентинович, – продолжает Денис Рубанов. – Не близнецы, но очень похожие. Оба с длинными редкими хаялками до плеч, с усами-крабами и всегда в классических костюмах. Один в сером, другой в коричневом. Деловито прохаживаясь из стороны в сторону, они рассказывали нам про музыку, ноты и, конечно, о своих былых подвигах. Валентинычи утверждали, что они должны были играть в Deep Purple и только стечение досадных обстоятельств этому помешало. Иэн Гиллан подсел, видимо.

Валентинычи давали своим подопечным разучивать лайтовые композиции вроде «Льет ли теплый дождь, падает ли снег» Валерия Ободзинского, чем вызывали нарастающее недовольство со стороны юных музыкантов. Они пришли мочить рок, а тут такой вялый репертуар. У Ленина, который стал вокалистом группы, отношения с руководителями кружка сразу не заладились. Он хотел играть на гитаре, но его поставили на клавиши. Сопротивление Юры подавлялось жестко и бескомпромиссно, но бунтарский дух кипел, и серьезный конфликт был вопросом времени. В этом смысле Ленин полностью оправдывал свою революционную фамилию.

Над названием группы парни долго не думали. Назвали ее «Кутузовский проспект», тупо по геолокации ансамбля. В их репертуаре уже появились песни собственного сочинения, написанные под впечатлением от творчества любимых метал-групп и популярной в андеграунде команды «Монгол Шуудан»: «Дорога под копытами пылится, по дороге скачет эскадрон. Вдали село какое-то дымится, Махно там с бандой всем дает разгон». И дальше в этом духе.

Первое выступление состоялось там же, в Доме пионеров. На концерт собралась вся окрестная братва, и выступление получилось дико нервным. Начав играть, они поняли, что гитары тупо не строят. Пацаны не додумались провести саундчек перед концертом, а Валентинычи, которым вообще не нравилась идея этого мероприятия, не подсказали. Педагоги наде-

ялись, что юных рокеров там побьют, и на фоне такого унижения они станут больше прислушиваться к советам старших. Но шоу удалось вопреки всему, и ребята произвели настоящий фурор в среде своих сверстников. Ленин, отвоевавший-таки право играть на второй гитаре, просто отложил расстроенный инструмент и провел концерт в качестве свободного вокалиста.

– Мы тогда играли что получалось, – рассказывает Александр (Пэп) Потапов. – Хотели, конечно, метал-рок, но выходил какой-то «Сектор Газа», да и то не всегда. Надо сказать, что незадолго до концерта мы наконец обзавелись каким-никаким собственным инструментом. Денис приобрел недорогую ударную установку, а мой отец притащил из института валявшиеся там с шестидесятых годов полуакустический бас, электрогитару и полуакустику. Еще одним поворотным пунктом стал показ по телевидению, кажется в «Программе А», группы Sex Pistols с песней God Save the Queen. Я даже умудрился записать ее на магнитофон. Вот это был натуральный отвал башки! Название Sex Pistols мы знали, но слышать толком не доводилось. Когда я на следующий день притащил запись на репетицию, все охренели. Я читал немой вопрос в глазах приятелей: «А что, так можно было?» После этого с металом решено было завязывать. Мы нашли то, что нужно.

***Выступление в Доме пионеров сразу превратило музыкантов
«Кутузовского проспекта» в локальных звезд.***

В связи с навалившейся популярностью начались и первые творческие проблемы в коллективе. Все как у больших. Теперь, когда был взят ориентир на группу Sex Pistols с ее лаконичным, дерзким панк-роком, начались трения, как играть новый материал, кто и что будет сочинять. Ленин топил за то, чтобы новые песни были англоязычными. Рок – это изобретение импортное, а значит, и делать его надо на языке оригинала. Рубанов же хотел простого русскоязычного контента. Группа поделилась на два лагеря. Пэп и Ленин в одном и Воробьев с Рубаном в другом. Название осталось за вторым лагерем. В течение последующих нескольких месяцев Дима Воробьев стал вокалистом, и через группу прошло несколько сменяющих друг друга музыкантов.

В кружок «Рок-группа» периодически приходили новые кандидаты, но Валентинычи не очень охотно расширяли штат подопечных. Чтобы оправдать свое присутствие в учреждении, им надо было создать отчетный коллектив, который будет выступать на торжественных вечерах, похоронах и танцах. И «Кутузовский проспект», который уже более-менее сыгрался, вполне подходил для этой роли. Новых, сырых учеников принимать в кружок Валентинычи не хотели. В числе прочих на прослушивание приходила некая группа «Аббат», пытавшаяся играть музыку в стиле «Арии». Ребята первый раз подключились к настоящей аппаратуре и ничего внятного изобразить не смогли. После прослушивания Валентинычи морально изнасиловали испуганных детей, высокомерно объяснив, что их судьба только мыть сцену в сельском ДК после хора местных пенсионеров. Свидетелями этого унижения стали чуваки из «Кутузовского проспекта». Сам коллектив «Аббат» их не впечатлил, но тогда они впервые увидели длинного рыжего парня с хорошей чехословацкой бас-гитарой.

В те времена, когда еще не было соцсетей, люди знакомились, объединялись по интересам и общались исключительно аналоговым способом. В первую очередь сообщества формировались по дворам, дальше шла улица и район как более широкий круг общения. Когда «Кутузовскому проспекту» понадобился басист, искать его стали тоже по знакомым.

– Мы кинули клич, и наш друг Андрюха Тидеман, ныне известный барбер и стилист, сказал, что есть чувак по имени Дима Спиринов, который нам подойдет по набору необходимых качеств и навыков, – рассказывает Юрий Ленин, вокалист группы «Кутузовский проспект». – Потом мы как-то встретили его на троллейбусной остановке и позвали к нам.

– Я впервые узнал о его существовании еще раньше, – продолжает Денис Рубанов. – Как-то мы сидели во дворе, и знакомый пацан сказал, что рыжего пацана с района избили в школе

и надо совершить акт возмездия. Я вообще думал, что речь идет о другом чуваке, а оказалось, что это Спирин. Второй раз я его увидел на том прослушивании в Доме пионеров. И когда он от меня лично получил предложение присоединиться к нашей группе, то не раздумывая бросил тех металлистов.

Дмитрий Спирин жил на Студенческой улице и учился в школе № 665 на улице Дунаевского, сокращенно ШШП, или «Школа шибзднутых придурков». В ШШП действительно учились не самые одаренные дети, и мама отдала туда сына с расчетом на то, что там ему будет легко учиться. Так и вышло: Дима получал хорошие оценки без особых усилий. Но по окончании восьмого класса его перевели в приличную школу № 591, тут же на районе. Согласно местной традиции после восьмого класса всех наименее одаренных детей спихивали в ШШП, а тех, кто с мозгом, наоборот, старались перевести из ШШП в другие школы. Но за пару лет до этого школу № 591, куда перевелся Дима, уплотнили, подселив туда детей из закрывшейся на ремонт школы на «Смоленской». Новые ученики оказались очень дерзкими и быстро построили ребят в этой приличной школе. Даже после выпуска чуваки со «Смоленки» приезжали в эту школу и тусовались там на заднем дворе, по привычке обувая и напрягая местных. Дима Спирин, будучи одновременно и рыжим, и длинным, моментально привлек их внимание. После неудачной попытки поставить Спирина на бабки гопники дичайше отоварили его на том же заднем дворе. Именно об этом случае и рассказывал Рубанов. За Спирина тогда впряглись старшие пацаны с района, проведя жестокую расправу над обидчиками.

После инцидента Диме пришлось забрать документы. Школе эти кровавые замесы были ни к чему. Педсовет посчитал, что парень здесь вряд ли уживется и стычки будут продолжаться. Спирина надо было куда-то устраиваться. Возвращаться назад в ШШП было морально тяжело, и тогда ему посоветовали пойти в Московский техникум космического приборостроения, где учились его друзья по пионерлагерю «Луч». В сентябре обычно абитуриентов уже не принимают, но перекошенное после агрессивного пальпирования лицо Димы Спирина служило доказательством того, что молодой человек стал жертвой физического насилия в школе и деваться ему больше некуда. В порядке исключения его зачислили на факультет гироскопов. Гироскоп – это такой прибор, который отвечает за позиционирование в пространстве спутника или любого другого устройства. Гироскоп есть в каждом смартфоне. Когда вертишь гаджет, а картинка остается в одном положении, не поворачиваясь вместе с экраном, это работает гироскоп.

Упомянутый пионерский лагерь «Луч» был ведомственным учреждением Всесоюзного научно-исследовательского института радиотехники ВНИИРТ, где работал отчим Димы Спирина. В этот лагерь Диму отправляли на все лето начиная с первого класса и вплоть до пятнадцати лет. В «Луче» подобралась очень продвинутая вожатая, которая была хорошо подкована в актуальной западной музыке. Вообще, музыка в громкоговорителях по всему лагерю играла без остановки. Диджей в радиорубке ставил самые модные композиции, и казалось, что повсеместная советская цензура не распространялась на небольшой участок земли в Домодедовском районе Московской области. Например, все лето 1986 года в качестве побудки и сигнала на зарядку из репродукторов звучал моднейший хит The Final Countdown шведской группы Europe.

Дмитрий Спирин, будущий бас-гитарист группы «Кутузовский проспект»

Для меня это было время чистого, сгущенного счастья. Нам не давали ни секунды посидеть на жопе. С первого дня начиналось безостановочное вовлечение. Если не рисуем, то поем, если не поем, то играем. Идем кино смотреть, рисуем стенгазету, а кто играет в футбол, а пошли за грибами...

И я дико бодрился от этого всего. Костяк ребят, с которыми я познакомился еще в младших отрядах, просуществовал до самого нашего совершеннолетия, когда уже нельзя было ездить пионером в лагерь. Приезжаешь записываться, смотришь списки, в каком отряде больше твоих корешей или твой любимый вожатый, туда и сам просишься.

Я в лагере научился всему плохому. Меломанство, метал и рок тоже оттуда пришли. Там же зародилась и мечта быть рок-музыкантом.

У нас был ансамбль из вожатых, который иногда выступал на общелагерных танцах в клубе. Они играли песни еще не очень известных на тот момент московских рок-групп: «Динамик» Владимира Кузьмина, «Карнавал» Барыкина, «Альфа», у которой был хит «Я московский озорной гуляка» на слова Есенина, и так далее. Я всегда с отвисшей челюстью стоял около сцены и смотрел на них. Думал, какие же они клевые и привлекательные, как круто они взаимодействуют друг с другом во время выступления, какие шуточки они отмачивают между песнями. Сейчас я даже не могу представить, что это был за уровень исполнения. Ведь им было максимум по двадцать пять лет, и они точно не были музыкантами в своей обычной жизни.

Удивительно, что фамилия Спирин досталась Диме едва ли не случайно. Ее взяла бабушка, когда вышла замуж за будущего отца его мамы. Вскоре после рождения Диминой мамы они развелись, но фамилия осталась и перешла по наследству внуку. Лет до четырнадцати он считал фамилию Спирин достаточно редкой, по крайней мере ему ни разу не встречались однофамильцы. А в последний год его обучения в ШШП учительница русского и литературы вдруг вышла замуж за человека, живущего где-то тут же, на Студенческой улице, и взяла его фамилию, став Спириной. Еще через пару лет, начав тусоваться во дворах на Большой Дорогомиловской, он познакомился с одноклассником Рубана и Ленина, Женей Спириным, и его братом Игорем. Диму некоторым образом смутило такое сгущение однофамильцев на столь небольшой территории. А еще намного позже он узнал от бабушки, что семья ее первого мужа, те самые Спирины, через некоторое время после рождения его мамы, в начале шестидесятых годов, получила квартиру где-то в районе Дорогомиловского рынка. Получалось, что с большой вероятностью Дима, Женя и Игорь Спирины, а также муж его школьной русички были и остаются друг другу родственниками.

К тому моменту, как на Дмитрия Спирина обратили внимание восходящие рок-звезды с Кутузовского, он уже два-три года практиковался в игре на бас-гитаре. Сначала в «Студии популярной музыки» на «Новослободской», а потом в легендарном «Красном химике», через который в разное время прошли многие музыканты из московской рок-тусы: Дмитрий Дибров, Дмитрий Андрианов («МЭД ДОГ»), Сергей Захаров («Король и Шут»), Михаил Житняков («Ария») и многие другие. Там были настоящие занятия с выписанными из Гнесинского училища специалистами вроде Олега Михайловича Степурко, знаменитого джазового трубача и педагога.

Когда в девяностом году Диму по возрасту уже не взяли в пионерлагерь, бывший вожатый из «Луча» Сергей Гавриленко пригласил его подработать грузчиком на гастролях группы «Клеопатра». После двухнедельного тура он привез денег больше, чем его мама зарабатывала за месяц. На эти деньги ему удалось разжиться моднейшей бас-гитарой Jolana disco bass производства Чехословакии. Невероятной красоты инструмент! Такого не было ни у кого в округе. Черный, блестящий, с витым «телефонным» шнуром. Правда шнур пришлось перепаять с «джека» на пятиконтактный разъем, потому что других в советской звукоусиливающей аппаратуре не водилось.

– Мы отмечали Новый год у Рубана дома, – говорит Юрий Ленин, – и он предложил мне вернуться в группу. Мол, давай будем половину песен делать на русском, а половину на английском, чтобы никому обидно не было. К этому времени мы уже несколько месяцев с Пэпом пытались что-то сочинять, но ничего конкретного у нас так и не получилось. И я решил вернуться.

Получившийся набор участников уже отражен в «Википедии» как первый состав группы «Четыре таракана»: Юрий Ленин на вокале, Дмитрий Воробьев на гитаре, Денис Рубанов – ударные и Дмитрий Спирин на басу. Они начали вместе делать быстрые, лаконичные песни под Sex Pistols, но возвращение Ленина в кружок «Рок-группа» неминуемо привело к нарастанию напряженности с руководством. Отсчет существования группы в стенах Дома пионеров пошел на дни.

– С Валентинычами я постоянно был на ножах, – продолжает Ленин. – Как-то один из них решил показать гитарное соло из Smoke On The Water Deep Purple. Я это послушал и спросил, слышал ли он оригинальную композицию? Вообще-то, Ричи Блэкмор не так играл. Валентиныч просто шпарил какие-то тюр-лю-лю по грифу. Побольше нот, чтобы никто ничего не понял. А финал наших отношений случился, когда он стал гнать на панк-рок. Мол, это примитивное говно и музыка для уродов. Я в ответ начал орать: «Ты кто такой вообще?! Sex Pistols стадионы собирали (на самом деле нет), а ты со своей плешистой шапкой сидишь тут в говне! Тебе язык надо в жопу засунуть и не вытаскивать до конца дней!» Рубан меня тогда сдержал, потому что я уже начал кидаться на него. После этого инцидента доступ в Дом пионеров для меня был закрыт.

Какое-то время они поехали на платную репетиционную базу, которая была оборудована в здании бывшей церкви на улице Шаболовской, в Москве. Сейчас ее уже вернули верующим, а тогда единственными прихожанами там были рок-музыканты, которые окормлялись духовной пищей как умели. Помыкавшись таким образом, чуваки поняли, что решение квартирного вопроса лежит на поверхности. Долгие годы подвал в подъезде Рубана использовался для культурного и не очень досуга местной молодежи. Там пили портвейн, курили взятки и миловались с подружками. Все подвалы в сталинских домах были одновременно и бомбоубежищами. Они представляли собой множество небольших помещений, в которых во время войны можно было скрываться от налетов авиации. Но война все никак не начиналась, а свято место пустовало. Рубан с друзьями освоил андеграунд собственного дома еще в детстве. Сперва они нашли лаз через отдельно стоящую во дворе будку, которая была связана с подвалом узким коридором. Естественно, первооткрыватели такого кошерного места были заинтересованы, чтобы оно принадлежало только им, и пугали других ребят рассказами о скелетах мертвых немцев со «шмайсерами». Никто почему-то не задумывался, что эти дома построили уже после войны. Со временем железный занавес таинственных легенд пал, и подвал стал общим местом для тусы, а вход наладили уже через подъезд.

Чуваки объяснили текущим обитателям подвала, что теперь он будет использоваться для сочинения мировых хитов, и это станет его главным предназначением. Конечно, тусовки и бухло там тоже будут, но в первую очередь музыка. Намутили каких-то стройматериалов, провели косметический ремонт и сделали минимальную звукоизоляцию.

– Мы собирали с миру по нитке, – рассказывает Юрий Ленин, вокалист группы «Кутузовский проспект». – Видимо, у нас было такое сильное желание и настолько мы были чисты в своих устремлениях, что нам сыпалось все как из рога изобилия. То найдем на стройке штукатурку, то нам скажут, что рядом разбирают какое-то помещение и там можно взять оргалит для стен. Ремонт, конечно, был косметический, но мы хотели привести подвал к соответствию минимальным санитарным нормам. Все это требовало времени, и я на несколько месяцев практически перестал учиться. А в это время в рок-кружке Дома пионеров тоже происходили изменения. Вскоре после нашего ухода Валентинычей погнало за безрезультатность

и пьянство, и руководителем кружка устроился работать наш хороший приятель. А потом эту лавочку вообще прикрыли, и заботливый кореш аккуратно списал весь аппарат в нашу пользу. Мы на руках перетащили два гитарных комбоусилителя от площади Победы почти до «Киевской». А там без малого три километра.

В доме у Саши Потапова был красный уголок, где присутствовали кое-какие усилители и колонки. Чуваки попросили аппарат как бы на время, надеясь, что потом о его существовании просто забудут. Так оно и вышло. Когда на базе поставили установку Дениса Рубанова, оказалось, что помещение очень неплохо упаковано и можно начинать репетиции.

Для московских панк- и андеграундных рок-групп в 1991 году единственный путь к известности, пусть и в узких кругах, лежал через «Рок-лабораторию». Устав бороться с вредным влиянием Запада, растлевающим молодежь, в 1986 году в Москве создали организацию, аналогичную Ленинградскому рок-клубу, которая должна была легализовать, а потом и контролировать рок-группы. Если не можешь победить врага, то надо его возглавить. К моменту развала СССР «Рок-лаборатория» успела вывести из подполья и продвинуть не один десяток команд. Это «Бригада С», «Ва-банкъ», «Монгол Шуудан», «НАИВ», «Звуки Му», «Коррозия металла» и вообще практически все столичные рок-группы, засветившиеся во второй половине восьмидесятых и самом начале девяностых. «Лаборатория» регулярно проводила набор групп и принимала демозаписи. Если музыку считали годной, то банду приглашали на очное прослушивание, где десятки команд на потоке играли по две-три песни. После прослушивания лучших звали на «Фестиваль надежд», где они играли уже полноценные сеты. В результате несколько групп принимались в «Рок-лабораторию» и из самодеятельного ансамбля получали статус профессионального музыкального коллектива. При этом участники группы получали официальную запись в трудовую книжку.

До этого многие рок-музыканты были вынуждены устраиваться сторожами и кочегарами, лишь бы не уехать в тюрьму за тунеядство.

При помощи обычного магнитофона чуваки как смогли подготовили демозапись, подписали кассету «Кутузовский проспект», добавили домашний номер кого-то из парней и отнесли ее в «Рок-лабораторию». И им перезвонили! Сказали, что музыка веселая и задорная, но название «Кутузовский проспект» крайне неудачное. Тогда на слуху была группа «Ночной проспект» и еще несколько ансамблей с подобными названиями, так что бодрые панки могут тупо слиться с бесконечным количеством других проспектов. Ребятам настоятельно рекомендовали назваться как-нибудь иначе. Чуваки стали чесать репы. Надо было придумать что-то звучное и английское, раз уж они собираются присвоить себе звание русских Sex Pistols. После некоторых размышлений они решили, что «Биг-Бен» будет отличным названием. Центрально лондонское и с необходимой долей скабрезного русского подтекста.

Заметки на полях #1

В своей книге «Тупой панк-рок для интеллектуалов» Дмитрий Спирин очень вскользь рассказал о ранней истории коллектива, и мы толком ничего не знаем о людях, которые создали группу «Кутузовский проспект», в которую он пришел в качестве бас-гитариста. Чтобы исправить это, я связался с участниками первого состава. Все они оказались вполне контактными и приятными людьми, согласившись принять участие в книге. Сомнения были только у барабанищика Дениса Рубанова. В одном из интервью Дмитрий Спирин говорил, что Денис – это единственный человек из бывших его коллег по группе, перед которым ему стыдно. А сам Рубанов неоднократно заявлял в Сети, что Спирин его кинул и отжал у него группу.

Мне обязательно надо было убедить его принять участие в книге. Убери его – и вся идея о беспристрастности и всестороннем описании истории команды развалится. Конфликт Спирина и Рубанова – это первый и один из самых ярких в истории группы.

Мы с Денисом не были знакомы. Я написал ему сообщение в VK, где подробно описал суть вопроса, заверив, что группа «Тараканы!» и Дмитрий Спирин лично не регулируют содержание книги. Он отреагировал вполне дружелюбно, и мы договорились встретиться у него дома.

Денис Рубанов живет в том же добротном сталинском доме на Большой Дорогомиловской, в подвале которого тридцать лет назад репетировала группа «Четыре таракана» и разворачивались события этой книги. Денис выглядит бодрячком. Невысокий, жилистый, кудрявые волосы без седины.

– Ты читал книгу Спирина? – начинаю я с порога. Изначально я планировал построить свою книгу на противопоставлении мнения других участников событий тому, как Сид изложил историю в «Тупом панк-роке». Надеюсь, что они начнут спорить с содержанием его книги.

– Я с пятнадцати лет не прочитал ни одной книги, – отвечает Денис. – Это протест против того, что мама заставляла меня читать в школе. И я общался с бабой (ударение на последний слог) в Индии, это мудрец такой, так он мне сказал, что это даже хорошо. Я не забиваю себе голову чужой шизофренией, до всего дохожу своим умом.

Мы сели на кухне, Денис предложил мне чаю, а сам закурил, приоткрыв балконную дверь. Разговор длился около пяти часов, в течение которых он рассказал о своей жизни, начиная с циркового детства и до наших дней. Кстати, сейчас он тоже выступает с иллюзионистскими номерами, продолжая семейную династию.

Глава 2

- Але, Света? Привет. Слушай, я тут заблудился. Не могу дом найти.
- Вова, это невозможно. Коричневые ворота. Дом ровно там, куда навигатор ведет.
- Может, я совсем идиот, но тут его нет.
- Не может быть такого. Смотри внимательно. Куча народу приезжала, все находили сразу.

Я уже минут десять хожу по округе. Меня облаяла собака, я едва не подвернул ногу на каменистой дороге. Где же этот проклятый дом? Терпеть не могу такие ситуации. Чувствуешь себя маленьким ребенком, а я тут, между прочим, по делу. После звонка Свете Тарасовой, пресс-атташе группы «Тараканы!», легче не стало. Приехал я по нужному адресу, но дома не вижу. Чертовщина какая-то. Уже почти сдавшись, я понял, что прошел слишком далеко. Бывает так, что сам себе в мозгу нарисуешь картину местности, в которой никогда не был, и, оказавшись на месте, пытаешься подстроить реальность под свои представления о ней. Если я решил, что надо запарковаться и идти в ту сторону, значит, туда и надо идти. Даже не оглядываясь по сторонам и не пытаясь оцифровать картинку.

Большие ворота из гофрированного железного листа оказались незапертыми. Я откатываю их в сторону. Не сильно, буквально на метр, чтобы можно было пройти. Наверное, тут подразумевался электропривод, но он не работает. Во дворе парковка на пару автомобилей, просторная беседка справа и бетонная дорожка, уходящая к большому трехэтажному дому с двускатной крышей. Архитектура дома простая, но с заявкой на величие. Эту заявку выдавало полукруглое крыльцо с бетонными перилами. Поднимаюсь по ступенькам, дверь тоже не заперта. Захожу и осторожно заглядываю из полутемной прихожей в огромную комнату. Первый, кого я вижу, – это Сергей Прокофьев.

– Привет, – протягиваю руку. – Меня зовут Вова, я из журнала «Артист», и я буду с вами жить.

– Да, конечно, проходи, – приветливо отвечает Сергей.

Если учесть, что мы с Сергеем максимум виделись пару раз, то с таким же успехом может прийти кто угодно, назваться журналистом и поселиться. Как на большой свадьбе, где никто никого не знает. Как покажет следующая неделя, это не голословное предположение. Через этот дом пройдет столько народу, что пару случайных персонажей никто бы и не заметил.

* * *

Когда Дмитрий Спирин пришел в группу, оказалось, что все участники коллектива воспитывались плюс-минус на одной музыке. Это были советские дети одного периода взросления и возмужания. Они одновременно впитывали современные музыкальные тенденции. В мейнстриме тогда был «волосатый рок» – метал и хард-н-хеви. Но при этом самые популярные в СССР западные панк-группы, такие как Sex Pistols и Exploited, всегда находились плюс-минус в районе этого меломанского пузыря. Советский металлист мог случайно зацепить Exploited, потому что он интересовался трэш-металом и кто-то мог дать ему эту запись. Мало ли, может, понравится. Панк-рок всегда был рядом с металом и воспринимался как что-то эстетически и идеологически близкое.

Во второй половине восьмидесятых повсеместно стали появляться киоски звукозаписи, где можно было сдать свою кассету, чтобы на нее записали, например, свежий альбом группы Judas Priest. Трудно сказать, входили ли они в советскую сферу услуг или были уже кооперативными, но цена везде была фиксированная – десять копеек за одну минуту. То есть примерно четыре с половиной рубля за долгоиграющий альбом. Удивительно, что, несмотря на государственную цензуру, которая безусловно распространялась и на музыку, в этих заведениях висели напечатанные на машинке каталоги с перечнем групп, которые никак не входили в список артистов, рекомендованных к прослушиванию для советских граждан. Там были все модные западные коллективы: Асепт, Dio, Sex Pistols, Pink Floyd и далее по списку. Несколько школьников могли скинуться деньгами и записать себе свежего музла. Обычно было так, что у одного чувака есть фирменная, запечатанная кассета, и он платил пятьдесят копеек, а еще четверо сбрасывались по рублю. После того как запись была получена, владелец «мастер-кассеты» уже раскатывал свежий материал по совковым кассетам своих приятелей. Или можно было самому вложиться в проект. Записать, например, новый альбом группы Metallica, а потом

в школе предложить одноклассникам раскатать по рублю. Если желающих наберется больше четырех, то ты уже в плюсе. Стоит ли говорить, что эти студии звукозаписи работали в условиях грубейшего нарушения авторских прав.

Одним из важнейших источников распространения музыкальной культуры в Москве была «Горбушка». Это стихийная ярмарка, возникшая сперва как клуб филофонистов в фойе ДК имени Горбунова, а потом разросшаяся на прилегающую территорию и парк. Там можно было купить все самые актуальные записи на кассетах и на виниле. Там же из-под полы продавалась рок-атрибутика, и, что важно, во второй половине восьмидесятых за торговлю на «Горбушке» уже не гоняли. А раньше там были регулярные ментовские облавы и можно было получить реальные проблемы, вплоть до уголовки. Официально записи в страну не ввозились, и люди покупали винилы (компакт-диски тогда еще не изобрели) во время зарубежных командировок. Причем не обязательно даже было ездить в капстраны. В Венгрии, Югославии и Польше все это было. В этих странах практически не действовала советская музыкальная цензура, несмотря на то что они находились в зоне политического влияния СССР. Например, группа Iron Maiden во время мирового тура 1984 года с вызывающим названием World Slavery Tour отыграла восемь концертов в социалистических странах: Польше, Венгрии и Югославии. Видимо, хватка полуживого Константина Черненко уже слабела. Но советские меломаны все равно ждали первых мировых звезд еще пять лет, когда в «Лужниках» прошел Moscow Music Peace Festival.

– Когда мне было лет десять, мы с мамой были в гостях у нашего родственника, который работал в КГБ, – рассказывает Дмитрий Спирин. – И я увидел на полке кассету группы KISS. Это был какой-то пакистанский бутлег. Он прислал ее своей дочери, моей тете Свете, из Афганистана, где работал по линии своей конторы в ограниченном контингенте советских войск. Паки просто скомпилировали альбом из случайных треков и поставили какую-то фотку на обложку. Как я узнал позже, такого альбома в официальной дискографии KISS даже не существовало. Эта кассета стояла на полке совершенно открыто, без стеснения и палева. А группа KISS, несмотря на их вполне безобидную музыку, тогда считалась едва ли не самым вредным, что может быть для советского человека, и тем более школьника. Реальная запрещенка, практически «Майн кампф». Я тогда еще подумал, что это какая-то очень странная ситуация. Сотрудник КГБ, который по идее должен бороться с этой музыкой, держит KISS в домашней коллекции. Я попросил эту кассету на время, но дико очковал включать ее дома, потому что мой магнитофон периодически жевал пленку. Мне становилось плохо от одной мысли о том, что ее может зажевать. Поэтому мы с пацанами собрались дома у одного друга, имевшего более надежную технику, и устроили коллективное прослушивание. Первая мысль – это некоторое разочарование от несоответствия лайтового содержания песен агрессивному образу музыкантов.

Кутузовский проспект и район Давыдково, где жили герои этой книги, отличался феноменальной концентрацией панк- и рок-движухи. Казалось, что тут в каждом дворе была своя доморощенная группа, а неформальный прикид никого не шокировал, будто это и не Советский Союз вовсе, а какой-то культурный заповедник. На Кутузовском традиционно селилась партийная номенклатура, а в Давыдково жили сотрудники дипломатического корпуса, журналисты-международники и тому подобный контингент со своими семьями. Соответственно, эти люди имели возможность выезжать в капиталистические страны, а некоторые жили там по многу лет. Те же Александр Иванов и Максим Кочетков из группы «НАИВ» вообще родились и до пятнадцати лет прожили в Нью-Йорке. Соответственно, такие люди имели доступ к мировой культуре и как передатчики транслировали ее на свое окружение. Скорее всего, этим и объясняется такая продвинутость районов Кутузовского и Давыдково.

К началу девяностых, когда парни открыли для себя панк, эта музыка уже отчетливо докатилась до Советского Союза. Группы Sex Pistols к этому времени не существовало уже

десять лет, но для страны, которая все эти годы жила в культурной изоляции, это ничего не значило. Сид Вишес и компания были очень почитаемы в меломанских кругах. Кроме того, стали популярными советские группы, которые вдохновлялись этой музыкой: «Чудо-Юдо», «Ва-Банк», «Автоматические удовлетворители», «НАИВ», уже успевшие к тому моменту выпустить свой дебютник Switch-Blade Knife, и другие.

Помимо музыкальных пристрастий ребят объединяло нежелание служить в рядах вооруженных сил. Ну, почти всех. Для творческой интеллигенции, да и вообще для молодежи начала девяностых, косить от армии считалось социальной нормой. С приходом перестройки и гласности средства массовой информации открыто заговорили о дедовщине в армии. Все узнали, что в мирное время солдаты теряют здоровье, а порой и жизнь от издевательств со стороны своих же сослуживцев. Плюс еще не нужная никому война в Афганистане. Все это диким образом подрывало боевой дух юношей призывного возраста и обостряло у них хронические и свежеприобретенные заболевания.

Первым пошел Юрий Ленин. Кстати, Ленин – это реальная историческая фамилия. Его семья родом из северных губерний, где Ленины не редкость. У Юры был очень требовательный отец, и парень с детства находился под постоянным прессингом, который вступал в диссонанс с его свободолюбивой натурой. Может, от этого, а может еще от чего, у него периодически в школе кружилась голова и даже случались обмороки. Эти факты неоднократно фиксировала школьная медсестра, и когда Юру вызвали в военкомат, то он рассказал об этих симптомах. Его направили на обследование в неврологическое отделение больницы № 51, а дальнейшее уже было делом техники. Главное было всегда помнить о тяжести заболевания, полностью отдался ему, отчаянно слившись со своим тревожным анамнезом. После Ленина в этой больничке перебивалась практически вся кутузовская туса.

– У нас, косарей, была развлекуха по ночам. Мы катались по этажу на инвалидных колясках, – рассказывает Юрий Ленин. – Делать нечего, а кровь по организму гонять надо. В больнице было невероятное количество тараканов, и игра заключалась в том, чтобы, включив в кухне свет, резко влететь туда на коляске. Кто успел раздавить наибольшее количество тараканов, пока они не разбежались, тот и победил. На почве этого меня вштырило, и я чуть ли не сидя в инвалидном кресле нафигачил в блокноте текст для песни «Четыре таракана».

– Вообще, музыку для «Четырех тараканов» Ленин почти в ноль слизал у Twisted Sister, – рассказывает Денис Рубанов. – Там припев как в песне We're Not Gonna Take It, только быстрее. Плагиат полный.

– Пару раз я сбегал из больнички на репетиции, – продолжает Юрий. – Там была хитрая система подземных переходов. Так что если знать места, то можно было потихоньку прокрасться в больницу в любое время суток. Ко мне даже по ночам пацаны с девчонками приезжали в гости. Проставлялись санитарам и медсестрам и тусили. Мы спалились только раз, когда один медбрат крепко перебрал и уснул в туалете для врачей. Там его и нашел заведующий по отделению. Он тогда на меня настучал, но все обошлось. Я все же получил свою отсрочку на пару лет. Потом должен был перекомиссовываться, но это уже другая история.

Прослушивание в «Рок-лаборатории» прошло неожиданно успешно. Жюри и собравшаяся в малом зале ДК Горбунова туса проперлись от коллектива, игравшего быстрый панк-рок. Парни получили свой билет на «Фестиваль надежд», на котором и определяются коллективы, которые в этом году попадут в «Рок-лабораторию».

Руслан Ступин, гитарист группы «НАИВ», член жюри

Все, что тогда называлось панк-роком в Москве, – это было больше похоже на хардкор. А «Четыре таракана» играли британский панк-рок образца

середины семидесятых. Очень сыро, но очень нагло. И Ольга Опрятная из «Рок-Лаборатории» говорит: «Я что-то не понимаю. Барабанщик сбивается, не могу так воспринимать». И тогда она попросила Антона Якомульского из «Ногу Свело!» сесть за барабаны. Он вышел на сцену, занял место Рубана и задал простой роковый бит. Парни заиграли, и сразу стало все понятно. Тогда Опрятная приняла решение принять их в «Рок-лабораторию».

– У Дениса была небольшая проблема с ровностью игры, – рассказывает Ленин. – Если Спирин, Димка и я худо-бедно в ноты попадали, то Рубан плавал так, что это было очень сложно воспринимать. Когда вышел Антон и мы с ним сыграли трек «Четыре таракана», сразу заиграла музыка, все встало на свои места, и народ начал биться головами о стулья.

– У каждого из нас были какие-то свои проблемы с техникой, – говорит Дмитрий Воробьев. – Кто-то не сильно разбирался в аккордах, кто-то еще где-то недотягивал, но, когда мы играли вместе, это было не так заметно.

– Они хотели, чтобы Якомульский вместо меня играл на «Фестивале надежд», – продолжает Денис Рубанов. – Меня это, конечно, расстроило, но Антон поступил хорошо. Он сказал, что позанимается со мной, чтобы я смог сыграть сам. И я стал ездить на базу к «Ногу Свело!», заниматься с ним.

Еще ребятам сказали, чтобы к «Фестивалю надежд» они придумали себе новое название. «Биг-Бен», на взгляд рок-лабораторского начальства, было таким же унылым решением, как и «Кутузовский проспект».

Как вариант им предложили взять название «Четыре таракана».

Мол, у них есть такая задорная, прилипчивая песня, и группу так назвать будет очень даже ничего. Чуваки сразу решили, что идея отвратительная, но если уж старшие товарищи так просят, то они подумают над новым названием. Надо сказать, что придумыванием они занимались очень вяло. Ребята все надеялись, что гениальная мысль неожиданно вспыхнет в сознании или придет во сне, как это бывает с лучшими идеями. В итоге они дотянули до того, что рок-лабораторское начальство само за них все решило, и в анонсе «Фестиваля надежд» на радио SNC (модная музыкальная радиостанция, где в числе прочих выходила программа московской «Рок-лаборатории» под названием «Сдвиг») и в другие СМИ они пошли как «Четыре таракана». Возмущение парней парировали тем, что афиши уже отпечатаны и переиграть ничего нельзя. И вообще, чего париться, это всего лишь один концерт, потом еще можно будет сменить название десять раз.

Александр Агеев, администратор московской «Рок-лаборатории»

На их прослушивании я не был (хотя и редко пропускал прослушивания, так как мне были нужны фонограммы и альбомы для студии «Колокол»), а прием в московскую «Рок-лабораторию» и на «Фестиваль надежд» решал худсовет. Помню, как я сказал длинному тащить запись, и он притащил кассету. Уверен, что с названием «Кутузовский проспект» и даже с «Биг-Беном» их могли послать в жопу и вообще не принять. Кассету эту мне пришлось брать домой, потому что в «Колоколе» были только катушечники. Помню, что запись потом распространяли, а кассету или забрал длинный, или ее вообще сп... дили. Не помню, чтобы слышал песню «Четыре таракана», но помню, что название определил я и в амбарную книгу записал: «Четыре таракана». Название закрепилось, и это правильно. Я редко промахивался.

«Жуки» пели, когда был СССР, и вот его больше нет, а «Жуки» все поют! «Тараканы!» пели в СССР, пели в девяностых при алкаше и до сих пор поют даже при гопнике из внутренних органов. Ученые утверждают, что тараканы выживут даже после ядерного взрыва.

– Если на прослушивании Юра был свободным вокалистом, то на самом фестивале он взял гитару, – говорит Дмитрий Воробьев. – Но партии у нас были толком не разобраны, и гитары не везде удачно сочетались. Я в целом остался недоволен тем, как мы отыграли.

– К этому времени у нас было всего два с половиной выступления, – вспоминает Юрий Ленин. – А тут ты выходишь на главную рок-площадку Москвы, и перед тобой полный зал на полторы тысячи человек. Это как первый раз в жизни попробовать наркотики. Сначала ты не понял ничего, а когда все закончилось, тебя начинает накрывать. Хотя я до сих пор плохо понимаю, что тогда произошло. Но потом мы вышли со сцены, и нас радостно встречали музыканты из «Ногу Свело!», «НАИВа» и других групп. Топовая туса приняла нас в свои широкие объятия. Это была как легкая контузия. С этого момента все поехало по рельсам куда-то туда, где сейчас находится Сид и группа «Тараканы!».

«Мы выступили на фестивале. Не так хорошо, как хотелось бы, на говняном звуке, не особо динамично, однако один фактор все-таки перевешивал все, – пишет в своей книге Дмитрий Спирин. – Никто, кроме “Четырех тараканов”, не играл панк-рок. Люди заморачивались на всякие пост-панки и заумь, нытье, вытье, психоделию, атональности, нойз и тому подобную неконкретную муть. Почему никто не понимал, что, исполняя простую и доступную музыку, можно быстрее достучаться до сердец людей? Как все эти музыканты могли прикалываться от мудятины, в большинстве случаев надуманной и высосанной из пальца, когда абсолютно ясно, что люди хотят рок? Громкий и тупой рок-н-ролл, способный поднять из могил мертвецов и уложить в них живых. Я верю в то, что все они действительно считали, что делают хорошую музыку, но время показало, что никто из того лабораторского набора, кроме нас и Distemper, не прожил и трех лет».

Когда на бэкстейдже ДК Горбунова чуваки познакомились с музыкантами «НАИВа», в первую очередь они отметили, насколько стильно те были одеты. Родные «конверсы», оригинальный мерч, клевые косухи. Благодаря бас-гитаристу Максиму Кочеткову они имели прямые поставки топового шмота прямо из Штатов. По сравнению с ними «Четыре таракана» выглядели как деревенские ребята, пытающиеся панковать. Они надевали на себя все, что только можно, лишь бы выделяться из серой массы советских граждан. Дерматиновые косухи, тельняшки, банданы, нарезанные из каких-то цветастых простыней, железнодорожные фуражки, попытки ставить ирокезы из кудрявых волос и так далее. В восьмидесятых-девяностых был такой альтернативный модельер Петлюра, который кроил одежду из тряпья, найденного по дедовским сундукам и помойкам, а моделями у него были всякие шизанутые бабушки и бомжи. Группу «Четыре таракана» раннего периода можно было легко спутать с жертвами фантазии Александра Петлюры.

В столичную панк-тусу ребята с Кутузовского особо были не вхожи и в местах обитания панков не тусовались. Так что представление о панковской моде они могли черпать только по фильмам вроде «Авария – дочь мента», сюжетам в молодежных передачах на телевидении, из черно-белых копий иностранных музыкальных журналов или пересекаясь с панкотой в офисе «Рок-лаборатории» в Старопанском переулке. Было понятно, что у панка должна быть косуха и майка Sex Pistols, а лучше две. Еще в почете была обувь, которая потом вошла в неформальный сленг как «гады». В начале девяностых это называлось «хайкинг», от английского hiking boots. Высокие армейские ботинки на шнуровке.

– Мы довольно быстро сообразили, что помимо экстремальной панковской моды есть еще мода умеренная, повседневная, – говорит Дмитрий Спирин. – Поэтому от дерматиновых

кошушек мы отказались, купив себе человечьи, из мягкой качественной кожи. Тогда же, вместе с гранжем, в моду вошли клетчатые фланелевые рубашки дровосека и бейсболки.

С мерчевыми майками было очень туго. Родного мерча не было, и приходилось довольствоваться тем, что предлагала «Рок-лаборатория», печатавшая левые майки. Но и они были в дефиците. Если удавалось урвать футболку Sex Pistols, Exploited или Ramones, то это уже было большое счастье, а уж какого она размера, было неважно. Поэтому все носили майки на несколько размеров больше. Отдельной проблемой было найти штаны-узкачи. Это был отдельный шик. Во-первых, Ramones ходили в узких джинсах, а во-вторых, они очень сексно уходили вовнутрь ботинок на шнуровке. Запихивать джинсы в ботинки, чтобы они пузырились сверху, считалось полным отстоем, и так делали только говнари. Чуваки узнали, что в кооперативных ларьках на Дорогомиловском рынке продаются клевые женские джинсы-стрейч. Если взять размер побольше, то они точняком налезали на худые подростковые жопы. Но первое время ходить в таких штанах было о-о-очень неудобно. В женских моделях гульфик тесноват, а парни были хоть и молодые, но тестикулы у них уже были как у больших.

Переход с нарядов сумасшедших бомжей на нормальный, качественный шмот требовал денег, которые где-то надо было зарабатывать. К этому времени по Москве повсеместно открывались коммерческие ларьки, торгующие всем, от сигарет и бухла до кассетных магнитофонов. Торговые палатки стали приметой того времени. Для того чтобы установить такую точку, достаточно было иметь саму будку и возможность наполнять ее товаром. Все, бизнес готов. Согласование с властями носило очень условный характер или отсутствовало вовсе. Налоги тоже никто не платил. Главное было не забывать отстегивать часть выручки криминальным структурам, которые тут же образовались вокруг первых коммерсантов. Старшие товарищи по району начали открывать ларьки, а парни стали работать у них ночными продавцами. Так можно было совмещать работу с учебой и занятием музыкой. Но начинающие предприниматели вели дела очень расслабленно, практически не контролируя сотрудников. Такие условия логично открывали перед продавцами широкие возможности для дополнительного заработка. Во-первых, можно было ставить «ночные цены». Это десятипроцентная наценка после полуночи. Естественно, вся разница шла сразу в карман продавца. Второе – это продавать свой товар. Можно было принести пять бутылок водки и реализовать их вместо хозяйских. Учет товара тоже был очень условный. В журнал писались какие-то левые цифры, и если твой сменщик с ними соглашался, то можно было выдыхать. Значит, на сегодня прокатило. И да, за это еще платили зарплату!

Еще один способ заработка – это всевозможная фарца. Торговать пытались всем, чем только можно, учась у старших товарищей по району, многие из которых начинали «утюжить» еще в те времена, когда за это давали уголовку по статье «Спекуляция». Кутузовский находится не так далеко от Арбата, а значит, и от потенциальных иностранцев. На матрешки, хохлому и военные кокарды у них можно было выменять джинсы и другие дефицитные импортные товары.

В начале девяностых в России появились первые секонд-хенды. Ношенные вещи завозили в страну огромными партиями по линии гуманитарной помощи из США и Европы. В условиях, где любые импортные вещи считались большим дефицитом, секонды стали хорошим способом пополнять гардероб приличными шмотками.

– Мой старший приятель Дима Юров мне как-то говорит: «Скорее бежим в красный уголок ДЭЗа, туда сегодня завезли американский секонд-хенд. Надо успеть, пока не разобрали все самое ценное», – рассказывает Дмитрий Спирин. – Я и слова-то такого не знал. Мы действительно были одними из первых. Когда мы пришли, там ковырялись только какие-то невменяемые бабки. Дима меня учил, как отличать фирменные вещи от ширпотреба: «Это берем, это не берем. О! Ни хера себе! Это же Levi's 507, почти целый. Берем!» Клубные пиджаки, джинсовки и прочий крутой шмот продавался на вес.

Люди просто не понимали ценность этих вещей. Естественно, все это потом задвигалось на районе по рыночным ценам.

Мама Дениса Рубанова поддерживала увлечения сына и всячески старалась использовать административный ресурс для продвижения его группы. Например, нарулила им выступление в Центральном доме работников искусств на какой-то цирковой тусовке. Это было довольно странно, потому что перед ними выступали жонглеры и дрессированные собачки, а в зале явно не доставало любителей жесткого минималистичного рока. Предполагая, что контент может кому-то не понравиться, Рубан выманил местного звукача из каморки, а Пэп оперативно проник на его место и закрылся изнутри. Потапов выкрутил ручки громкости на максимум и держал оборону, невзирая на попытки сотрудника культуры ворваться назад. Уже на второй песне зрители потянулись на выход, таща за собой ошалелых детей. На сцену выбежал конференсье, тепло поблагодарил музыкантов за прекрасный концерт, но настоял на том, чтобы группа доиграла в следующий раз.

В какой-то момент с чуваками связался Алексей Суздальцев, тогдашний менеджер «НАИВа», и спросил, можно ли его группе поселиться к ним на базу? По какой-то причине «Новые арлекины и вольтижеры» не могли больше репетировать на своей базе и искали новое место. Парней дико взбодрила возможность делить репетиционное время и тусовать со своими кумирами. Плюсом к приятной компании шел хороший аппарат и барабанная установка Майка Полещука.

– С появлением группы «НАИВ» в нашу жизнь пришли и наркотики, – вспоминает Дмитрий Спирин, – потому что их барабанщик Миша Полещук был увлеченным полинаркоманом. Казалось, что он был готов вдохнуть, вколоть, съесть и любым другим способом потребить в себя все, что могло торкнуть. Миша был первым человеком, который предложил мне накуриться.

Как только наивовцы завезли свой скарб, Миша Полещук сказал, что ему надо здесь повозиться пару дней. Сделать проводку, дополнительный свет и привести помещение в порядок. Через какое-то время он действительно довел подвальную комнату до ума, все скоммутировал, починил и даже сделал некоторую звукоизоляцию, задрапировав стены тканями. Под потолок он подвесил флаг Фестиваля молодежи и студентов 1985 года. Новый аппарат выдавал плотный, хорошо читающийся звук. Хозяева подвала были в восторге.

– Миша достает из кармана штакет и говорит: «Ну раз все круто, то это надо отметить», – рассказывает Дмитрий Спирин. – Для меня это был серьезный вызов. Тот самый случай, когда «нормальный пацан» просто не может отказаться. Тут все сошлось в одну точку: это наши кумиры, на которых мы хотим быть похожими, это прикольный Миша, с которым я лично очень хотел бы дружить. Но я тогда отказался, а Рубан накурился. У Дениса никогда не было ресурса отказаться и показаться в чем-то неопытным. Любое предложение он принимал так, как будто он делал это уже двадцать раз. Я же не хотел пробовать наркотики, потому что боялся стать наркоманом.

– Майк был классный чувак, его не брало даже электричество, – говорит Юрий Ленин. – Дядька пробовал контакты на язык. Говорил: «Мне не нужен индикатор. О! Вот тут фаза». Но он подсадил Сида и Рубана на эту дурь. Я раз попробовал, но меня не цепануло. Потом, когда чуваки уже вошли во вкус, я видел, во что они превращаются по накурке, и начал против этого сильно возбухать.

– На базе всегда кто-то тусовался, – рассказывает Дмитрий Воробьев. – Никогда не было такого, чтобы группа репетировала в одиночестве. Но это не напрягало, наоборот, всегда была прикольная атмосфера. Вслед за «НАИВом» подтянулись «Монгол Шуудан», «Ногу Свело!» и еще много кто. Там в подвале я впервые услышал проигрыш из песни «Рамамба хару мам-

буру». Но при том что ребята были уже известными артистами, мы не чувствовали никакой дистанции. Никто рок-звезду из себя не строил, и общаться было очень комфортно.

С изменением демографической ситуации в подвале пошли и первые жалобы от жильцов. Это неудивительно, ведь молодежь в одиночку и группами следовала к подвальной двери едва ли не круглосуточно. Не все вели себя тихо, а некоторые были откровенно пьяны, потому что сочинение и исполнение музыкальных композиций было далеко не единственным назначением андеграунда. Разгневанные жители дома то и дело набирали 02. Но от контакта с милицией музыкантов периодически спасало первичное предназначение подвала. Все же изначально это было бомбоубежище, двери там были очень толстые и закрывались на крепкие засовы. Иной раз достаточно было переждать, пока у ментов кончится терпение.

– В подвал можно было попасть из двух подъездов, – рассказывает Денис Рубанов, – и если мусора ломились из одного подъезда, мы могли спокойно выйти через другой и стоять во дворе, наблюдать за попытками милиции поймать нарушителей спокойствия.

Стражи порядка применяли различные хитрости. Например, могли поймать кого-нибудь на входе и уже на его плечах вломиться в подвал. Еще один способ – это запугать идущую в подвал девушку, чтобы она сказала пароль, который регулярно менялся. Когда стражам правопорядка все же удавалось попасть на репетиционную базу, они выстраивали всех руками на стены и устраивали обыск. Но найти ничего противозаконного не удавалось. Ни оружия, ни наркотиков, ни экстремистских листовок. Как только сотрудники удалялись, прихватив кого-нибудь постарше для отчетности, дверь снова запиралась, и чуваки доставали из нычек бухло и прочие ништяки.

Под конец года перед группой «Четыре таракана» замаячила реальная возможность вписаться в самое популярное на тот момент телевизионное шоу «50×50». Мама Дениса Рубанова опять подсутилась и уговорила свою подругу Анжелу Хачатурян, которая была художественным руководителем программы «Пятьдесят на пятьдесят», взять ребят в свою обойму.

Лайнап формировали по такому принципу, чтобы помимо звезд эстрады были и новички. Среди этих новичков оказались и юные панки с Кутузовского. Причем произошло это без участия теплой волосатой руки большого продюсера. Просто в то время в России отчаянно крутилась рулетка больших возможностей. Это была уникальная ситуация, когда советские социальные лифты уже разрушились, а новые правила еще не установили. Все ломилось без очереди в надежде урвать свою долю пирога. В шоу-бизнесе царила та же махновщина, что и во всех остальных отраслях. Звезды быстро создавались и так же стремительно гасли.

Серия новогодних концертов телешоу «50×50» на Малой спортивной арене «Лужников» продолжалась в течение семнадцати дней подряд, по одному-два концерта в день, и «Четыре таракана» выступали ежедневно с четвертого по двенадцатое января. Это была солянка из самых популярных на тот момент эстрадных артистов вроде «Дюны», «Кар-Мэн» и «На-На», а также всяких странных ноунеймов, про которых сейчас и сказать-то нечего. Кто помнит группы «Арамис», «Первая любовь» или артистку с творческим псевдонимом Русская Мадонна? Единственным условием организаторов было выступление под фонограмму. Никто не хотел заморачиваться с саундчеками, живым звуком и прочими малозначимыми вещами. С фанерой проще: включил кассету, и она играет.

– Мы не сразу подписались на эту тему, – вспоминает Дмитрий Спирин. – Сначала «ездили на переговоры». Это п... дец, конечно, подростки в косых куртках рассказывают про какие-то принципы, а там сидят взрослые люди, которым вообще неохота об этом разговаривать. Тогда люди, которые занимались бизнесом, делали деньги на всем, и шоу-бизнес был только маленькой частью их глобальных замыслов. Вот мы им говорим, что нам играть под фанеру западло, а у них в голове миллионные контракты на поставку йогуртов и вагоны гуманитарной помощи, которую они планируют втюхать какому-нибудь кооператору в Дагестан.

Мы просили, чтобы хотя бы вокалист мог петь по-настоящему, то есть чтобы была не полная фанера, а минусовка. И они сперва согласились.

Когда четыре инструментальных трека были уже почти записаны на тон-студии киностудии имени Довженко, организаторы шоу сказали музыкантам, что им все же придется плясать полную фонограмму. Парни расстроились, но решили, что раз уж вписались в эту историю, то сдавать назад нельзя. Когда об этом узнали чуваки из «НАИВа», они, конечно, офигели. Для рокеров это считалось лютым зашкваром.

– Играя по две песни за концерт, а в некоторые дни и по два шоу в день, мы не особо напрягались, бегая по сцене под фанеру, – рассказывает Денис Рубанов, барабанщик группы «Четыре таракана». – Мы могли позволить себе выползть в подпитом состоянии, и на качество шоу это не влияло. Одна из наших песен называлась I'll Fuck My King In The Ass, но нам удалось ее включить в программу только один раз. После исполнения к нам подошла режиссер этого шоу Анжела Хачатурян и сказала: «Вы думаете, мы не поняли, о чем вы сейчас пели? Этой песни больше в программе не будет». Это был первый напруг, из-за которого с нами, может, и хотели расстаться сразу, но не могли, помня про авторитет моей мамы. Просто запретили исполнять этот трек. Потом, когда нас видели в подпитии за сценой, тоже кидали косые взгляды, но сделать ничего не могли.

– Поначалу мы все были зажатые, – говорит Дмитрий Воробьев. – Все-таки такая большая площадка, тысячи человек перед сценой, популярные артисты... Еще и приходилось играть под фонограмму. Там были наши друзья из андеграундной трэш-метал группы «Армагеддон», и они сразу нам надавали по шеем за то, что мы не двигаемся на сцене. Сказали, чтобы мы бегали, прыгали, сходили с ума как только можно. Все равно же фанера, не ошибешься. Главное – давать шоу. Через два-три концерта мы уже раскрепостились. Народ реагировал по-разному. Когда кричали «Тараканы! Тараканы!», а когда кидали мусор из первых рядов. Мы, конечно, со своим репертуаром немного не вписывались в эту поп-тусовку.

– Я стоял за сценой и увидел, что какой-то чувак в плаще и шляпе, похожий на агента спецслужбы, пытается пройти через контроль, но его не пускают, – рассказывает Денис Рубанов. – Я сказал, чтобы его пропустили, начал общаться с ним, и оказалось, что он начальник какой-то службы охраны. Он попросил меня провести его чуваков, и я запустил еще человек двадцать таких же людей в плащах. Они хотели подмазаться к звездам, чтобы их взяли в личную охрану на большую зарплату. Короче, эти ребята пришли к нам в гримерку, и мы с ними забратались. Потом мы выступили, спускаемся со сцены, и я рассказываю, что там перед сценой какие-то гопники нам факи крутят и кидают всякое говно на сцену. Он тогда говорит: «Пошли, найдем их». Чуваки вошли клином в толпу, а мы за ними. Хотели найти и отмудохать этих гопарей, но они увидели эту движуху и свалили вглубь партера. Это было забавно, как мы собрались публику гасить.

– Гримерки у всех там были в раздевалках хоккейных команд, – рассказывает Дмитрий Спирин, – и свою мы делили с группой Виктора Королева, у которого тогда уже был его единственный хит «Букет из белых роз». Я не помню, как звали его директора, но после одного из выступлений этот чел предложил мне раскуриться. А у меня к этому времени уже пропал психологический блок на эту тему. И я не стал отказываться.

– Ко мне там подходил Юрий Шмилевич Айзеншпис, – говорит Юрий Ленин. – Он сказал:

«Я посмотрел на ваше выступление. Из тебя я сделаю звезду, и через год ты будешь ездить на лимузине, но с этими ребятами тебе надо завязывать. Они бестолковые, и с ними у тебя ничего не выйдет».

На это я ответил, что либо он вытягивает нас четверых, либо идет искать какого-нибудь другого мальчика. Он потом ходил за мной несколько дней, и в какой-то момент я уже начал

от него прятаться. Артисты постарше мне сказали, что он – «голубой», и мне надо быть с ним осторожнее. Но потом я еще несколько раз с ним встречался и ничего такого не замечал. Никаких намеков в мою сторону не было. Как бы то ни было, я считаю его самым гениальным продюсером отечественного шоу-бизнеса. Он мог раскрутить абсолютно все. Посмотреть хотя бы на его артистов: «Кино», «Технология», «Янг Ганз», Влад Сташевский и так далее.

– Есть такая традиция, которая называется «зеленый концерт», – продолжает Рубанов. – Когда во время последнего концерта все прикалываются друг над другом. На финальной песне перед окончанием шоу все артисты вывалили на сцену. Это было выступление Владимира Маркина. Мы были уже изрядно подшофе, и я как ни в чем не бывало стал разбирать барабанную установку. А за ней сидел барабанщик и делал вид, что играет партии. Я просто стал уносить по очереди стойки и барабаны. Установка-то моя была, имел право. И я подумал, все равно же под фанеру, зато людям немного глаза приоткроем, будет смешно и весело. Но как оказалось, смешно было только нам. Потом был скандал.

После московской серии концертов шоу «50×50» должно было продолжаться в Санкт-Петербурге, и именно питерские концерты собирались снимать для телевидения. А потом эта же обойма отправлялась с гастролями по России. После этого тура про группу «Четыре таракана» должна была узнать вся страна. Но за девять дней панки с Кутузовского так утомили менеджмент шоу, что уже не спасал даже авторитет поручившейся за них Натальи Рубановой. А разнос сцены во время выступления Владимира Маркина поставил жирную, мясистую точку, укрепив желание режиссера-постановщика шоу Анжелы Хачатурян навсегда распрощаться с малолетними беспределщиками.

– Они хотели вызвать ментов, а тогда с таким дестроем было достаточно жестко, – рассказывает Юрий Ленин. – Сид с Рубаном оттуда реально могли уехать на пятнадцать суток. И я бегал там всех успокаивал, уговаривал Анжелу Хачатурян. Говорил ей, что это у нас просто такое шоу. Мы же рокеры, а какой рок-н-ролл без разноса? Что на самом деле мы нормальные, вменяемые люди и с нами можно работать. Она даже успокоилась, сказала, что черт с вами. Но если будет только один косяк, хоть что-нибудь подобное, то мы попросимся навсегда. И тут в гримерку залетели бухие Сид с Рубаном и начали орать, чтобы она шла в жопу со своим сраным шоу. Они панки, и это говно им не нужно. А я только что Айзеншписа послал ради них! Тогда я, конечно, зарубился и понял, что у нас вряд ли что-то получится вместе.

Заметки на полях #2

Потапова, Воробьева и Ленина найти было несложно. Все они с радостью согласились пообщаться. Я обратил внимание, что они описывали события давних лет в таких деталях и насыщая повествование такими классными подробностями, будто участие в группе «Четыре таракана» было едва ли не самым ярким периодом в их жизни. Хотя это свойственно, наверное, всем моим собеседникам. В процессе работы над книгой я столкнулся с тем, что люди намного лучше помнят события двадцати-тридцатилетней давности, чем то, что происходило с ними пять лет назад. Все-таки юношеское восприятие, бесстрашие и задор невозможно сгенерировать искусственным образом. Время, когда глаза были широко открыты, мир казался прекрасным и удивительным, а жизнь обгоняла мечту. Именно в юном возрасте закладываются основные жизненные понятия и ценности. Не зря же и развлекательная индустрия, и политики так бьются за внимание подростков и студентов. Может, они пока и не особо платежеспособны, но если какая-то идея западет молодому человеку в душу, то она будет жить с ним очень долгое время. Даже повзрослев и поскучнев, он будет обращаться к этому времени с теплой ностальгией. Люди с тоской вспоминают СССР не потому, что это было самое справедливое и свободное общество, а потому что тогда они были молоды, а жизнь казалась простой и понятной. По той же причине всегда отлично продаются билеты

на ретро-вечеринки с репертуаром двадцати-тридцатилетней давности. Молодость – самая ценная валюта.

Глава 3

Группа «Тараканы!» в полном составе заперлась в большом доме в Мытищинском районе, заявив перед этим, что каждый день в реальном времени она будет с нуля сочинять и записывать по одной песне. Чтобы никто не обвинил участников группы в подлоге и использовании домашних заготовок, они поставили две веб-камеры, которые в режиме двадцать четыре на семь транслируют все, что происходит в доме. Перед тем как ехать сюда, я тоже заходил в YouTube и поглядывал, как идет процесс. Честно скажу, на экране монитора все выглядело не таким прикольным, как на самом деле. Самую большую комнату в доме оборудовали под репетиционное помещение: барабаны, три комбика, микрофон на стойке. Пишутся тоже прямо здесь. Дмитрий Кежватов сидит за оборудованным звукорежиссерским местом. Пульт, макбук с цветными звуковыми дорожками, мониторные колонки. Обычно студийные звукачи стараются снабдить свое рабочее место хорошим креслом. Все-таки им приходится много часов проводить за экраном. А тут Ватов довольствовался складным деревянным стулом. К концу проекта у него должна была появиться плотная мозоль на известном месте.

– Несмотря на мои опасения, что все пойдет через жопу, что мы будем подтупливать, смотреть друг на друга непонимающими глазами и высасывать идеи из пальца, все в итоге оказалось не так, – рассказывает Дмитрий Спирин, периодически отмахиваясь от мух. Здесь их неожиданно много, и на кухне над столом висит сразу несколько липких лент. Мы с ним вышли из кухни и встали в полукруглом помещении, смежном с большой комнатой, где остальные парни чекают барабаны. Сергей Прокофьев монотонно бьет в альт, пока Ватов отстраивает звук микрофона. – Здесь у нас все происходит значительно динамичнее и энергичнее, чем в обычных условиях на репетиционной базе или на студии.

Я расспрашиваю Спирина о проекте «Много шума из ничего» не из праздного любопытства, хотя и это тоже. Пресс-атташе «Тараканов!» Света Тарасова накануне предложила мне написать репортаж о происходящем. Мне эта идея понравилась, но я считаю, что единственный вариант по-настоящему погрузиться в происходящее – это прожить. Если чуваки живут здесь безвылазно, значит, и я должен провести в таких же условиях хотя бы сутки. Оказалось, что места тут полно и мое худое тело никак не перегрузит жилищно-коммунальный ресурс этого дома. Во время сочинения первой песни он получил название «Дом 666».

Беглый осмотр жилплощади показал, что в подвале есть сауна с бассейном, просторный предбанник, диван и большой телевизор с подключенной приставкой Sony PlayStation. Помимо всего этого за настроение на проекте отвечает «Московская пивоваренная компания», которая подогнала столько ящиков «Жигулей» и «Мохнатого шмеля», что запас пива кажется безлимитным.

* * *

Внезапное завершение сотрудничества команды «Четыре таракана» и телевизионного шоу «50х50» сильно подорвало желание Юрия Ленина дальше участвовать в группе. Он был парнем амбициозным, и его представление о том, как надо идти к успеху, никак не включало ссоры с большими менеджерами шоу-бизнеса. Какое-то время они еще порепетировали вместе, но вскоре Юра собрался на выход. Никто не ругался, просто расстались по-хорошему.

– Сперва я решил, что фиг с ним, – вспоминает Юрий Ленин, – просто ребята были угашенные и не понимали, что делали. Думал, что мы еще можем делать музыку вместе. Но очень скоро, когда Сид с Рубаном уже в полной мере распробовали траву, наши репетиции превратились в черт-те что. Парни откровенно скуривались и превращались в неюзабельное дерьмо. И конечно, просирали момент. Я был чувак идейный и такого отношения к делу не понимал. Будущего для себя в этой группе я уже не видел.

– Юра был единственным в коллективе, кто сильно симпатизировал глэм-року и hair metal, – рассказывает Дмитрий Спирин. – Он хотел играть такую музыку и периодически приносил нам подобные песни. Но мы с Рубаном все это отвергали, не считая музыку ребят с наче-сами и в лосинах хоть сколь-нибудь привлекательной. Нам уже тогда было понятно, что вся эта грядка групп с Sunset Strip осталась в прошлом. Он покинул «Четыре таракана» и создал глэм-группу Lady's Man. Но в конце 1991 года вышел альбом Nevermind группы Nirvana, который полностью поменял мировой музыкальный ландшафт, оставив весь этот глэм-рок на обочине индустрии. Получилось так, что Ленин ушел делать волосатую группу за несколько месяцев до того, как всем людям в мире стало абсолютно насрать на эту музыку.

Замена вокалиста – это всегда травматичный момент для группы. Но так получилось, что сменщик для Юры Ленина нашелся очень быстро. Вернее, он был всегда рядом. Денис Петухов уже какое-то время тусовался с чуваками, и привел его в компанию как раз Юра. Петухов, или Пит, как его вскоре стали называть, был очень музыкальным парнем из интелли-

гентной семьи. Его папа Александр Петухов – знаменитый советский дирижер. Почти двадцать лет он работал руководителем Государственного оркестра кинематографии СССР и дирижером Эстрадно-симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Под управлением Александра Петухова оркестр записывал музыку для всех культовых кинокартин: «Следствие ведут знатоки», «Семнадцать мгновений весны», «Чародеи» и всего золотого фонда советской кинематографии тех лет.

Денис с детства занимался музыкой и прекрасно играл на фортепиано. Когда его папа работал в Штатах, Пит там бывал и хорошо ориентировался в актуальной музыке, получая информацию из первоисточников.

– Я с детства слушал всю рок-н-рольную классику: Beatles, Pink Floyd, Led Zeppelin и весь этот набор, – говорит Денис Петухов, вокалист группы «Четыре таракана». – А лет с четырнадцати-пятнадцати пошла подростковая история с тенденцией на утяжеление. Я начал слушать альтернативу конца восьмидесятых и начала девяностых, а также классический панк-рок. Приезжая в Америку, я мог часами залипать в музыкальных магазинах, изучая витрины с аудиокассетами.

«Академическое (пусть и не очень оконченное) музыкальное образование в миксе с бунтарским характером и тинейджерскими панк-взглядами давали мощнейший результат, – пишет в своей книге Дмитрий Спирин. – Фэн Хармса и Зощенко, Довлатова и Булгакова, Пит обладал искрометным и острым умом, а также феерическим чувством юмора. В отличие от Ленина он отлично выглядел, имея много стильных, ни на кого не похожих вещей (в числе прочего он также был счастливым обладателем настоящей американской ста пятидесятидолларовой “косой”). Денис оказался идеальным фронтменом для такой панк-группы, как наша. Бунтарства в нем было столько же, сколько и музыкальности, а значит, мы могли делать более мелодичную музыку. То, что чуть позже получило стилистическое определение “поп-панк”. Мы называли это мелодичный панк, или панк в духе Ramones».

– Петухов был одет по фирме и обладал отличным знанием музыки, – говорит Денис Рубанов. – Он начал рассказывать нам, как делать аранжировки, как вообще музыка сочиняется. И Денис очень круто играл на фортепиано. Если мы тусили в какой-нибудь квартире, где было пианино, то он всегда играл. Его никто не заставлял, он делал это очень легко. Правда, Пит не очень хотел петь, как будто стеснялся этого. Говорил, что он музыкант, что он пальцами музыку чувствует.

– Как и любой подросток, я хотел закрыть историю своего детства и начать все с нуля, – рассказывает Денис Петухов. – Струнными инструментами я тогда не владел, а рояль в рок-среде считался западлом. Я легко принял предложение быть вокалистом, потому что мне вообще не важна была роль. Главное – это движняк и возможность делать любимую музыку.

Первые эксперименты с наркотиками, начавшиеся с подачи Майка Полещука, переросли для парней в нечто большее.

А когда Москву стала накрывать психоделическая волна, то они уже были к ней готовы.

Парни уже знали, что у рок-музыки есть и такая сторона, как наркотики. Знали, от чего умерли Сид Вишес, Дженис Джоплин и Джимми Хендрикс. Про расширение сознания, «двери восприятия» и все такое прочее. Чуваки понимали, что практически все их кумиры употребляли наркотики.

– Так получилось, что я познакомился с человеком, который приехал в Москву из Таджикистана налаживать сбыт травы, – рассказывает Дмитрий Спирин. – Его звали Фарух, и я был первым, кто попробовал его товар. Мы купили у него первую партию уже на следующий день и стали распространять среди своей тусовки. Получилось так, что Фарух с ходу сорвал джекпот, найдя в нас канал сбыта на московское андеграундное рок-сообщество.

По району и далеко за его пределами пошли слухи, что у панков с Кутузовского есть особая дурь, которую стали называть «фарухом». Но только ограниченный круг лиц понимал, что это не просто абстрактное слово, а имя главного поставщика. Интересно, знал ли сам Фарух, что его имя известно едва ли не всей Москве?

Чуваки, конечно, не были первооткрывателями в области употребления и продажи запрещенных веществ. В наркоиндустрию так или иначе была вовлечена практически вся молодежь на районе. Все знали, что в том дворе народ сидит на колесах, там кислотные, а здесь живет прославленный винтовой варщик, и все употребляют и продают его продукт. Во дворе рубановского дома предлагали «фарух».

В книге «Тупой панк-рок для интеллектуалов» Дмитрий Спирин писал, что Фарух не хотел палить свое жилье и предпочитал торговать возле базы «Четырех тараканов». Поэтому там постоянно терлись торчки, желающие прикупить. По понятным причинам он лукавил, ведь книга выходила всего через десять лет после описываемых событий, и лидеру «Тараканов!» вполне могли предъявить за нарушение соответствующей статьи уголовного кодекса.

– Плотно на курение меня подсадил Дима Спирин, – говорит Денис Рубанов. – Майк Полещук был наркоманом, и много он нам давать не мог. А Дима нашел Фаруха, который давал очень много. Но Дима запретил мне торговать травой, хотя я и не начинал. Я ему сказал: «Хорошо, будь ты драгдилером. Мне это неважно». Я горжусь тем, что никогда не барыжил. Мне это было не интересно. Мне это давали и так.

– Мы с Денисом оба брали у Фаруха и потом толкали своим клиентам, – вспоминает Дмитрий Спирин. – Причем, когда Фарух уезжал к себе на родину и все заканчивалось, Рубан находил альтернативные источники, и у нас на точке перебоев не было. И у меня, и у Рубана прямо на базе были нычки и тайники. Но мы оба лечили друг друга: «Ты же не прячешь ничего не базе?» – «Конечно, я не прячу ничего не базе!» – «Правильно! Базу палить нельзя! Надо ныкать где-нибудь там, снаружи!» Но ходить «куда-нибудь туда» нам обоим было влом. На улице холодно, а тут приезжает человек, и ему надо. Ты выходишь, идешь в темный угол коридора, суешь руку в щель между кирпичами и, рискуя быть укушенным грызуном, достаешь припрятанный товар.

Несмотря на плотное увлечение наркотиками, этот период был очень плодотворным для группы в плане творчества. Они все время проводили на репетиционной базе, сочиняя с Питом новые песни и готовясь к записи своего первого полноценного альбома. Параллельно с репетициями они много выступали, стараясь вписываться в любые темы. Помимо «Рок-лаборатории» в Москве появились и другие организаторы, которые тоже старались развивать андеграундную рок- и панк-движку.

Все тогда очень хотели, чтобы в столице открылся наконец настоящий рок-клуб. С нормальной живой музыкой, где люди с ирокезами и в косухах не будут восприниматься окружающими как инопланетяне. Одной из первых эту мечту реализовала Лана Ельчанинова. Восемнадцатилетняя DIY-активистка смогла договориться с местным Союзом молодежи и открыть в его актовом зале «Клуб имени Джерри Рубина», который можно считать первым рок-клубом в Москве. Буквально через две недели открылось еще кафе «Отрадное», которое тоже работало в формате рок-клуба и сразу получило народное название «Отрыжка». «Клуб имени Джерри Рубина» мало напоминал классический рок-клуб. Это был обычный актовый зал со сценой и аппаратом. В качестве антуража здесь выступала «Выставка неформальных прикидов»: джинсы, куртки и рваные майки тогдашних советских рок-звезд. Hard Rock Cafe на минималках.

Лана Ельчанинова, создатель «Клуба имени Джерри Рубина»

Я искала начинающие группы и считала, что надо поддерживать самых молодых, чтобы участникам было не больше двадцати лет. Демозаписей тогда ни у кого толком не было, и группы обычно приглашали на репетицию, чтобы я могла послушать, как они играют. Так я и оказалась на базе «Четырех тараканов» в подвале дома на Кутузовском. Они играли не очень слаженно, звучание было сырое, но уже тогда было видно, что у ребят сильная энергетика, и мне показалось, что они уже могут выступать. Песен у них было много, но все они были похожи на Sex Pistols и друг на друга. Меня привлекло то, что много треков было на русском языке. Была, конечно, и пара обязательных каверов на Sex Pistols. Когда они в конце каждого выступления играли Anarchy In The UK, это было настоящее слияние с залом. И неважно, что было до этого и сколько раз они облажались за концерт.

Актный зал и, собственно, сам рок-клуб располагались на втором этаже здания, куда вела лестница с красной ковровой дорожкой, как это было принято в советских государственных учреждениях. Первый же концерт в «Клубе имени Джерри Рубина» закончился скандалом. В зале был сильнейший переаншлаг, а толпа с улицы всеми способами штурмовала здание. Самые отчаянные даже пытались лезть по пожарной лестнице, чтобы проникнуть в окно второго этажа. Когда после мероприятия на место прибыли руководители Союза молодежи, они увидели окурки, растертые по их прекрасной ковровой дорожке, и выломанную дверь в зал. В самом актовом зале было накурено, наплевано и по всему было видно, что тут недавно матерились. Поганая молодежь осквернила храм культуры с первой же попытки. Но советская установка работать со сложными подростками еще действовала, и клуб имени американского общественного активиста Джерри Рубина не выгнали на мороз. Его переселили в подвал этого же здания, где он принял уже более традиционную для рок-клубов андеграундную форму.

Лана Ельчанинова, создатель «Клуба имени Джерри Рубина»

Мне звонила бабушка Дениса Петухова и жаловалась, что он занимается непонятно чем. Говорила: «Он же так хорошо играет на фортепиано. Да что же нам с ним делать». А я ее успокаивала: «Да вы что, он же такой талантливый. Из него получится настоящий музыкант, не переживайте». Тогда вся связь с музыкантами была через домашние телефоны, и я часто попадала на родителей. Через какое-то время родители ребят со мной общались уже как со старой знакомой.

Если концерты в «Джерри Рубина» по возрастному составу публики и отсутствию бара больше походили на подростковые панк-утренники, то тусовки в «Отрыжке» – это был настоящий андеграунд, суровый и беспощадный. Находился клуб на севере Москвы, в реальной жопе мира. От метро «Отрадное» еще надо было идти пешком минут двадцать. В баре продавали алкоголь в стеклянных бутылках, которые периодически летали в сторону сцены. На этот случай владельцы клуба предусмотрительно отгородили музыкантов от публики металлической решеткой. Посетителей «Отрыжки» периодически накрывали гопники, и рокерам порой приходилось щемиться по дворам. А закончилась история заведения тем, что пьяный отморозок на входе зарезал совладельца заведения, бас-гитариста группы «Монгол Шуудан», Алексея Полякова. За неполный год работы «Отрыжка» дала мощный толчок для развития московской

рок-тусовки. Это был настоящий центр рок-н-рольной жизни, и «Программа А» регулярно снимала там свои сюжеты. Партнер Полякова Олег (Гастелло) Абрамов открыл после этого клуб Sexton FoZD, который стал прямым наследником традиций «Отрыжки». FoZD расшифровывается как «Фонд загубляное детство». Тут ошибки нет, «загубляное» пишется именно через «я».

После того как Юра Ленин проторил дорожку в психоневрологическое отделение местной больницы, туда стали по очереди заезжать едва ли не все пацаны с Кутузовского. Дима Спирин к этому времени предусмотрительно накопил пару задокументированных случаев травмы головы и мог претендовать на почетный в неформальных кругах статус человека, негодного к воинской службе.

– Первое сотрясение мне нанес внезапный боксер, – рассказывает Дмитрий Спирин. – Мы дружили с модной парикмахершей Мариной, которая снимала трехкомнатную квартиру в доме на Большой Дорогомиловской, и частенько у нее притусовывали. Что нужно подросткам? Чтобы было тепло и можно было скрыться от предков. Спокойно пить пиво, громко слушать музыку и все такое. Но в какой-то момент Марина, не спросив нас, познакомилась с боксером. Мы приходим, и дверь открывает этот чел.

Дима стоял ближе всех, и получилось так, что он говорил за всю команду. Сожитель Марины быстро объяснил, что таких обрыганов тут больше не принимают, и советовал ребятам пройти восвояси. Дима тоже не растерялся и указал собеседнику кратчайший путь до бельгийского города Нуу. После этого свет погас и включился только на следующий день. За это время друзья свозили Спирина на такси в травмпункт, где ему оказали первую помощь и поставили на место нос. В себя он пришел наутро, дома у Рубанова. Это был настоящий нокаут.

Вторую травму ему нанес Рома Шахновский, музыкант группы Les Primitives и будущий гитарист «Четырех тараканов». Началось все с невинной игры, которая переросла в суровый файт, закончившийся для Спирина не очень удачно. Помня о том, что совершеннолетие не за горами, Дима снова поехал в травматологию на «Фиях» и зафиксировал повреждения мягких тканей головы.

В итоге он косил по теме неврологических нарушений: эписиндром на фоне травм головы.

Пока Дима лежал в больнице на медобследовании по направлению военкомата, он ежедневно закидывался колесами и не особо замечал проходивших мимо дней.

Но одного пустого взгляда было недостаточно для откоса. Важно было избежать аппаратного обследования. Приборы могли показать, что парень не настолько болен, как хочет показать. Как только к Спирину пытались подключить осциллограф, он кувыркался с кушетки на пол и лежал бездыханный. В его случае необязательно было симулировать именно припадки. При эписиндроме человек может просто терять сознание. А то, что он под колесами и постоянно в беспамятстве, – это даже хорошо.

– Сейчас ты уже не проведешь ни мента на улице, ни военкоматчика, ни врача в больнице, – продолжает Спирин, – а тогда было другое время. Не так давно закончилась афганская война, в стране бардак, и ни у кого из этих медицинских работников не было мотивации обязательно пристроить в армию каждого попавшего к ним в руки парня. Тогда пресса часто писала о случаях, когда доведенные до отчаяния пацаны расстреливали старослужащих из-за дедовщины. Брать на себя ответственность за дурака, которому дадут в руки оружие, никто из медиков не хотел. Ну и что, что он странный ходит? Да тут все странные! Целый этаж людей с травмами головы. Я должен был провести в больничке дней десять, но меня уволили из нее через неделю за нарушение режима. Ко мне приезжал друг, и я какое-то время провел с ним за пределами больницы. А меня в это время искали и не нашли. Сказали, что раз я такой злобный

нарушитель, то пошел бы я тогда на х... Я пытался с ними спорить, говорить, что я тут не по своей воле, но ничего не помогло. В первый раз за все время у меня возникла тревога, что они напишут в заключении не тот диагноз. Но в итоге написали как надо, и в армию я не пошел.

Денис Рубанов был на год старше Димы Спирина, и для него вопрос призыва на срочную службу стоял еще актуальнее. Так что он тоже не стал мудрить и пошел проторенным путем. Но так получилось, что на период его обследования у «Четырех тараканов» было запланировано выступление в клубе Sexton FoZD. Там играла обойма рок-лабораторских групп, и пропускать такой концерт было нельзя. Вариантов отпроситься не было, а за нарушение режима могли отчислить из больницы со штампом «здоров» в медицинской карте. Страх неудачного закоса заключался еще и в том, что после дурки отправляли служить только в стройбат. Во всяком случае, так гласили уличные пацанские легенды.

– В итоге я свалил и целых шесть часов отсутствовал в больнице, – рассказывает Денис Рубанов. – Из одежды у меня была только больничная роба, но в ней по улице ходить было нельзя, тебя сразу вычислят и попытаются вернуть в больницу. Тем более дело было зимой, в лютую стужу. На счастье, у моего соседа по палате был припрятан спортивный костюм. В этом костюме и больничной телогрейке я дошел до автобусной остановки, там снял телугу и спрятал в снегу. Дальше поехал уже вроде как закаленный спортсмен в тренировочном костюме. Повезло, что, когда я вернулся, весь гнев администрации больницы был направлен на чувака, который пронес в грелке два литра водки и всех напоил. Из-за этого скандала моя самоволка осталась незамеченной.

Каждый вечер юные косари собирались в больничной «кают-компании» на этаже смотреть телевизор. Но телек был старый и периодически выключался от перегрева. За пару минут лампы остывали, и телевизор врубался снова. Местные жители об этом знали, и, когда экран гас, они даже не вставали с мест, спокойно ожидая включения. Как-то в больничку заехали два новых симулянта. Они были не похожи на обычный электорат отделения. Косили в основном неформалы, а это были классические гопники с района. Лысые парни с выдающимися вперед крепкими надбровными дугами и отсутствием интеллекта в глазах. Они зашли в эту комнату и увидели шестерых парней, которые сидят и молча смотрят выключенный телевизор. Тогда они впервые усомнились в том, что косить в дурке было хорошей идеей.

– Мы их потом разводили, – продолжает Денис Рубанов. – Увидели, что они убирают в тумбочку пакеты с печеньем, и говорим: «Хотите травы покурить? В обмен на печенье». Конечно, они только что с воли, им это печенье на хер не упало, а для нас это была ценность. Я забил длинный штакет табаком из «Беломора» и накурил их в туалете. «Беломор» вообще довольно жесткая штука, а тут еще и такой напор дыма. Чуваки поплыли и сползли по стеночке. Может, они и поняли, что это была не трава, но предъявлять нам ничего не стали. Да и что ты предъявишь психам, которые смотрят выключенный телевизор?

Летом 1992 года чуваки созрели для того, чтобы записать свой первый студийный альбом. Роль саунд-продюсера на записи согласился выполнять опытный Миша Полещук из «НАИВа», что стало большой удачей для начинающих музыкантов.

«Именно последовав его совету, мы записали в Freedom акустическую гитару поверх дисторшн-гитар, – пишет в книге «Тупой панк-рок для интеллектуалов» Дмитрий Спирин, – много рояля (Пит всегда был отличным клавишником) и сквозной октавный интервал в основной вокальной партии. Таким образом, песня получила весьма странное звучание, немного глэмовое, с кивком в сторону Guns'n'Roses, одной из любимых групп Миши. В Time Has Passed мы планировали нарулить сырой и тяжкий звук, что-то среднее между хеви и гранжем. Мише же такое решение не казалось верным, и в итоге мы получили то, что получили. Простые панк-песни типа «Крысы» выходили проще. Мы навставляли везде, где только можно, живые и «машинные» «клэпы», а также рамоунзподобные (как нам тогда казалось) бэк-вокалы. Работали мы быстро, постоянно помня о, мягко говоря, ограниченном бюджете, поэтому особо не

парились на лажи и кривости. Результат был получен соответствующий, и каждый, у кого есть дома Duty Free Songs, может в этом убедиться сам».

– Я считаю, что первая наша пластинка, которую мы записали с Петуховым, была сама лучшая, – говорит Денис Рубанов. – Я горжусь ей. Duty Free Songs – это по-настоящему честно, низкобюджетно и до сих пор слушается очень круто.

Альбом-то они записали, но возможностей для его продвижения не было практически никаких. Существовавшие на тот момент рекорд-лейблы не интересовались коллективами такого уровня, и оставалось только самостоятельно распространять релиз среди поклонников панк-рока. Парни записывали кассеты на бытовом двухкассетном магнитофоне, а самодельные черно-белые обложки множили методом ксерокопирования. Альбом раздавали всем, кому только могли. В основном бесплатно, но небольшая часть все же продавалась на концертах и в очень малочисленных торговых точках типа магазина «Давай-давай», где предлагали такую музыку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.